

О. Р. Айрапетов

Участие
Российской империи
в Первой
мировой войне

1915

Олег Айрапетов

**Участие Российской империи
в Первой мировой войне
(1914–1917). 1915 год. Апогей**

Издательство «Кучково поле»

2014

УДК 93/94
ББК 63.3(2)524

Айрапетов О. Р.

Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей / О. Р. Айрапетов — Издательство «Кучково поле», 2014

ISBN 978-5-9950-0420-2

Новое фундаментальное исследование известного российского историка Олега Рудольфовича Айрапетова по истории участия Российской империи в Первой мировой войне является попыткой объединить анализ внешней, военной, внутренней и экономической политики Российской империи в 1914–1917 гг. (до Февральской революции 1917 г.) с учетом предвоенного периода, особенности которого предопределили развитие и формы внешне- и внутриполитических конфликтов в погибшей в 1917 г. стране. Вторая книга повествует о событиях 1915 г.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-9950-0420-2

© Айрапетов О. Р., 2014
© Издательство «Кучково поле», 2014

Содержание

Германский и австро-венгерский противники в конце 1914 – начале 1915 г. Выбор направления главного удара	5
Разгром 10-й армии и гибель 20-го корпуса	12
Военные последствия поражения в Августовском лесу	42
«Внутренний фронт» в конце 1914 – начале 1915 г. Политические последствия поражения под Августовом. Начало «дела Мясоедова»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Олег Айрапетов

Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей

Германский и австро-венгерский противники в конце 1914 – начале 1915 г. Выбор направления главного удара

Первый период войны закончился. «Этот славный по физическим подвигам бойцов период, – вспоминал осенью 1916 г. генерал от инфантерии Ф. Ф. Палицын, – был ужасен по отсутствию твердой мысли и последовательности в исполнении. Как в записках в начале войны, так и теперь утверждаю, что Россия обязана возможности такого явления отсутствию Генерального штаба. Генерального штаба не было и нет. Попытки создать его с 1905 г. в 1908 г. кончились крахом. У нас существуют офицеры Генерального штаба и подчас способные и одаренные, но института Генерального штаба, мысли Генерального штаба, трудящейся над подготовкой войны выработыванием работников, приспособленных к совместной работе в объединенном направлении в достижении целей войны, у нас нет»¹. Эти недостатки системы управления проявлялись вновь и вновь. В конце 1914 – начале 1915 г. перед высшим военным командованием вновь с особой остротой встал вопрос о направлении главного удара.

Николай Николаевич (младший) опять метался из одной крайности в другую. 2 января 1915 г. он сообщал союзникам о своей готовности перейти в наступление на германском участке фронта, как только к Варшаве подойдут Гвардейский и 6-й Сибирский корпуса, и, следовательно, к удержанию обороны по Карпатам. Через два дня он уже просил Ж. Жоффра рассмотреть возможность посылки в Россию части боеприпасов из резерва французской армии, иначе русская вынуждена будет ограничиться активной обороной². В любом случае, сил для одновременного наступления на двух направлениях уже не хватало, но при любом варианте речь не шла об уменьшении активности на германском участке русского фронта.

31 декабря 1914 г. (13 января 1915 г.) М. В. Алексеев представил доклад о стратегических соображениях Н. И. Иванову, а копия была направлена в Ставку. Доклад содержал два основных положения. Во-первых, М. В. Алексеев считал принципиально невозможным вести наступление сразу на двух направлениях, а следовательно, полагал необходимым сосредоточить все усилия лишь на одном, ограничившись на другом обороной. Во-вторых, генерал полагал, что на Восточно-Прусском театре находятся силы, значительно превосходящие его потребности, «в ущерб *главному направлению* (выделено мной. – А. О.), и что мы втянули их в безнадежную борьбу, которой следовало избежать. На короткое, по крайней мере, время нам нужно перебросить оттуда часть сил на левый берег Вислы, где решается участь данного периода кампании, *а быть может, и более* (выделено мной. – А. О.)»³.

Таким направлением М. В. Алексеев считал отнюдь не Карпаты, а левый берег Вислы. Именно здесь он и предлагал организовать наступление, причем как можно быстрее, для чего необходимо было перебросить к имеющейся здесь пехоте кавалерию. «При оценке относительной возможности левого берега Вислы и Галицийского (театра. – А. О.), нужно признать, – писал генерал, – что в данное время и при сложившейся обстановке важнейшим является левобережный. Здесь находится значительная часть союзных сил, здесь действуют германские войска, которым принадлежит Верховное командование и управление. Хотя австрийцы и имеют

на Галицийском театре значительные силы, но поражение их обстановки на левом берегу в крупных чертах не изменит»⁴. Итак, М. В. Алексеев предлагал наступать силами Юго-Западного фронта преимущественно германскую группировку, в то время как Северо-Западный фронт должен был провести отвлекающую атаку. Направление удара, предлагаемого начальником штаба Юго-Западного фронта, лежало между реками Вислой и Пилицей, в обход крепости Кракова.

Во второй половине ноября 1914 г. основные силы генерала Р. Д. Радко-Дмитриева находились всего в двух переходах от восточных фортов Кракова. Однако они составляли всего лишь два потрепанных корпуса, остальные же части его армии уже втянулись в бои на Карпатских перевалах. Обеспечить блокаду крепости или хотя бы отсечь ее от южного и западного направлений этими силами Р. Д. Радко-Дмитриев не мог. Правда, в середине ноября М. В. Алексеев решил собрать осадную армию. Краков был окружен кольцом из шести мощных фортов, но периметр крепости был невелик, и никто не ожидал, что она выдержит скольконибудь долгую осаду. Новую армию должен был возглавить комендант Брест-Литовска генерал В. А. Лай-минг, начальником корпуса инженеров стал генерал А. В. фон Шварц. Однако едва штаб этой армии успел провести несколько совещаний, как началась Лодзинская операция. От подготовки осады Кракова пришлось отказаться. Кроме того, русские армии уже начали испытывать недостаток в боеприпасах и обученном пополнении. Во 2-й Гвардейской дивизии, например, запас патронов к 19 ноября составлял только 180 на винтовку, в то время как за три дня предыдущих боев расходовалось в среднем по 715 патронов на винтовку, а ближайший их подвоз ждали только 21 ноября⁵.

Стратегической целью удара, предлагаемого М. В. Алексеевым, таким образом, оставалась Австро-Венгрия. Эта записка имеет особое значение ввиду непонимания его позиции этого периода, бытующей и у мемуаристов, и у историков. «Генерал Иванов, при энергичной поддержке Брусилова и *несочувствии своего начальника штаба ген. Алексеева, не оказавшего, однако, решительного противодействия* (выделено мной. – А. О.), настаивал на сосредоточении главных сил и средств для форсирования Карпат и наступления на Будапешт»⁶. С другой стороны, Н. И. Иванов говорил о том, что согласился на наступление в Карпатах под давлением М. В. Алексеева, а тот, в свою очередь, находился под сильнейшим влиянием «сухого доктринера» генерала В. Е. Борисова⁷. Причем сама по себе идея этого наступления возникала неоднократно.

7 (20) ноября 1914 г. сербский посланник в России М. Спалайкович известил воеводу Р. Путника о том, что Россия давно приняла решение о наступлении в Венгрии с целью оказания помощи Сербии. Русское командование, по словам сербского дипломата, рассчитывало достичь Будапешта за шесть дней⁸. Н. И. Иванов усиливал 8-ю армию генерала А. А. Брусилова, ослабляя краковское направление. В свою очередь, А. А. Брусилов надеялся реализовать план перехода через Карпаты. 6 (19) ноября 24-й армейский корпус, который до этого прикрывал подступы к Перемышлю, по его приказу перешел в наступление с целью вторжения в Венгрию. 16 (29) ноября корпус подошел к Ростоковскому перевалу и 18 ноября (1 декабря) овладел им. Дорога на равнину была открыта, но А. А. Брусилов изменил задачу: теперь корпус должен был двигаться на запад от перевала, отсекая силы отступавших австрийцев от Карпатского хребта⁹. Это явно усложняло задачу корпуса, а между тем он не был поддержан резервами. Русское Верховное командование рассчитывало на помощь со стороны сербской армии.

К концу сентября 1914 г. она находилась далеко не в лучшем состоянии. Уже сказывалась неподготовленность Сербии к длительной и масштабной войне: с приходом холодов начал чувствоваться недостаток в зимнем обмундировании. Значительные потери кадровых офицеров были практически невозполнимы, кроме того, не хватало боеприпасов¹⁰. Довольно быстро Россия сумела оказать помощь союзнику за счет трофеев, захваченных в Галиции, большая

часть которых через Румынию была отправлена сербам. К середине октября сербская армия получила 3 млн патронов, 15 090 гимнастерок, 1715 брюк, 5481 шинель¹¹. Рассчитывать на постоянную благосклонность Бухареста в вопросе о провозе военных грузов через румынскую территорию было невозможно. Главным путем доставки собственно военных грузов из России в Сербию стал Дунай.

Еще 3 (16) августа 1914 г. для оказания военной помощи Сербии по Дунаю в России была создана Экспедиция особого назначения во главе с капитаном 1 ранга М. М. Веселкиным¹². В ее состав вошли три пассажирских и 11 буксирных пароходов, 130 больших шаланд и 15 брандеров. Экспедиция базировалась в порту Рени, где М. М. Веселкину подчинялись и укрепления, которые возводились для обороны судоходства по Дунаю и Пруту¹³. Плавание в Сербию было рискованным: русские транспорты могли стать легкой добычей противника. Дунайская речная флотилия Австро-Венгрии практически не имела равносильного противника. В ее состав входили два дивизиона мониторов, на вооружении которых были 1–2 130-мм, 2–3 75-мм орудия, вооруженные пароходы, дозорные суда и прочее¹⁴.

Под Белградом шли тяжелейшие бои, город подвергался безостановочной бомбардировке австрийской артиллерией. Со 2 по 4 октября 1914 г. здесь находился Р. Рейсс, профессор Лозаннского университета, к этому времени столицу Сербии обстреливали безостановочно уже 36 дней. «Я думаю, никто не попытается оспорить тот факт, – писал он, – что Белград является открытым городом, так как старая турецкая крепость не может считаться современным укреплением. Это интересный исторический памятник и ничего более»¹⁵. 3 октября сербская артиллерия подбила вражеский монитор «Лейта», и австрийцы вынуждены были отбуксировать его в тыл для ремонта¹⁶. Благодаря поставленным в районе сербской столицы минным заграждениям удалось ограничить возможности австрийцев, однако полной уверенности в безопасности не было. Военная разведка доносила, что в районе болгарского Видина находились два австрийских парохода, имевших на вооружении по четыре орудия и четыре пулемета, команды которых состояли из австрийских и германских матросов. Возможна была и поставка мин по пути следования каравана¹⁷.

30 сентября (13 октября) 1914 г. экспедиция в составе семи колесных пароходов и 16 барж двинулась из Рени в Сербию. Ввиду опасности обстрелов или атак со стороны австро-венгерской флотилии на пароходы были установлены 75-мм и 47-мм орудия. Караван вез 32 814 ящиков с патронами, 322 ящика со снарядами, 214 бухт колючей проволоки, 12 500 пудов угля, 1700 пудов сена, 99 бочек кислоты, 467 бочек минерального масла, 426 бочек ядовитого бензина, 67 бочек спирта. В страну было доставлено два шестидюймовых орудия и 1 тыс. снарядов к ним, а также 13 тыс. снарядов к полевой артиллерии. Кроме того, на баржах находились 753 лошади, большое количество материала, необходимого для понтонных. 8 (21) октября экспедиция благополучно достигла пункта назначения и через шесть дней вернулась домой¹⁸.

Австрийская флотилия, предпринимавшая активные усилия по поддержке своих войск, не смогла препятствовать движению русских кораблей. В немалой степени этому способствовало установление минных заграждений на Саве и Дунае, в результате чего 23 октября монитор «Темеш» подорвался на mine и затонул у острова Грабовец¹⁹. Опасность пришла с другой стороны: первый русский транспортный караван Экспедиции особого назначения, следовавший по Дунаю в Сербию, был обстрелян пограничным болгарским пикетом. Стрельба прекратилась только после того, как на вооруженном пароходе «Румыния» расчехлили орудия и навели их на болгарский берег²⁰.

Прибытие русского каравана с боеприпасами существенно сказалось на обороноспособности Сербии. Конечно, прежде всего речь идет о снарядах. Их нехватка в октябре – ноябре 1914 г. стала чрезвычайно тяжелой проблемой. Сербская артиллерия вынуждена была отве-

чать на 20 выстрелов противника лишь одним, командование даже снимало некоторые батареи с фронта по причине отсутствия боеприпасов²¹. В сложившейся ситуации реальную помощь могла оказать только Россия. Что касается англо-французских поставок боеприпасов, то они далеко не всегда могли быть использованы для систем вооружения, находящихся у сербов²². 26 октября (8 ноября) 1914 г. в городе Вальево состоялся совет правительства и командования сербской армии под председательством принца-регента Александра Карагеоргиевича²³.

Уже 28 октября (10 ноября) он известил Николая II о результатах совещания. Сербской армии опять не хватало боеприпасов и оружия. «Если мы в ближайшее время не получим снарядов для легкой и тяжелой артиллерии, – писал принц, – то разразится неминуемая катастрофа для всей нашей армии, и Сербия испытает разгром более страшный, чем тот, который она перенесла в 1813 г. Я прошу и умоляю Его Величество Императора приказать, чтобы обещанные снаряды были нам высланы без малейшего промедления. По всей вероятности, наша армия не будет даже в течение десяти дней противостоять продвижению неприятеля до Вальева, а с этого момента наступит катастрофа»²⁴.

Принц-регент просил Россию и о помощи действием: отвлекающей диверсией в южной Венгрии или отправкой 50-60-тысячного русского вспомогательного корпуса в Сербию. Положение было столь сложным, что он счел необходимым сообщить еще и о том, что генерал Ж. Мишич и воевода Р. Путник предложили ему «просить мира у Австрии или объявить о прекращении обороны страны за отсутствием снарядов. Кабинет министров готов лучше подать в отставку, чем стать на этот путь. Скупщина соберется через три дня, и она вынесет по этому поводу решение. Я считаю своим долгом довести обо всем этом до сведения Его Величества Императора, дабы он мог судить о положении, в котором мы находимся»²⁵. Это обращение вызвало настоящий переполох и в Петрограде, и в Барановичах. С. Д. Сазонов уже на следующий день известил русского поверенного в делах в Сербии о том, что следующий караван М. М. Веселкина будет отправлен через неделю. Кроме того, призыв о помощи сербской армии был адресован и во Францию²⁶.

Великий князь Николай Николаевич (младший) заявил о немедленной готовности передать 24 орудия и 9500 винтовок с патронами из числа трофеев, взятых у австрийской армии. Франция была готова поставить через Салоники 20 тыс. снарядов немедленно и еще 15 тыс. до середины декабря 1914 г. 30 октября (12 ноября) 1914 г. премьер-министр Румынии

И. Братиану согласился с предложением России немедленно пропустить часть военных грузов в Сербию по железной дороге²⁷. 31 октября (13 ноября) русский военный агент в Сербии сообщал, что в ее армии осталось только по 120 снарядов на полевое орудие. Под давлением австрийцев 1-я и 3-я сербские армии начали отступать²⁸. Русские транспорты с боеприпасами вновь прибыли к союзникам на Дунае 11 (24) ноября 1914 г.²⁹ Всего в эти дни Сербии было отпущено 24 тыс. 75-мм, 6 тыс. 120-мм, 1 тыс. 6-дюймовых, 4 тыс. 80-мм, 1 тыс. 150-мм снарядов русского и австрийского производства³⁰.

Приход русских караванов во многом способствовал победам, которые вскоре одержала сербская армия. Они доставили боеприпасы именно в то время, когда катастрофа казалась неминуемой: в сербской армии появились признаки морального перенапряжения, за которым обычно следует распад; в тылу активизировали подрывную деятельность македонцы, добившиеся почти недельного перерыва в движении по Салоникской железной дороге; под угрозой оказался единственный центр военного производства в Сербии – Крагуевац. 17 (30) ноября 1914 г. сербы вынуждены были оставить Белград, но уже 21 ноября (3 декабря) они в очередной раз перешли в контрнаступление. 2 (15) декабря столица Сербии была освобождена³¹.

В течение двух недель сербская армия вновь очистила свою территорию от австрийцев. Противник потерял 28 тыс. убитыми, 120 тыс. ранеными, 76 500 пленными³². Общие потери

австрийцев на Балканах за 1914 г. составили 7592 офицера и 266 212 нижних чинов³³. Ф. Конрад фон Гётцендорф, не имея возможности ослаблять русский фронт, предложил приступить к строительству укреплений от Балатона до Будапешта, чтобы предотвратить угрозу венгерской столице. Австрийское командование явно паниковало, но победоносная сербская армия и сама была истощена и не могла воспользоваться плодами своих побед³⁴. За прошедшую кампанию она потеряла 2110 офицеров, 8074 унтер-офицера и 153 373 нижних чина. Ресурсы Сербии были исчерпаны, для их восстановления требовалось время³⁵.

Теперь эта страна нуждалась не только в боеприпасах. В начале весны 1915 г. Белград обратился к Петрограду с просьбой о присылке «в возможно непродолжительный срок» значительных объемов продовольствия: 4 тыс. вагонов пшеничной муки, 4 тыс. вагонов ячменя, 3,5 тыс. вагонов отрубей, 8 тыс. вагонов сена, 3 тыс. вагонов соломы. 15 (28) апреля 1915 г. император утвердил решение Совета министров от 27 марта (9 апреля): Сербии выделялось 2 млн пудов (2 тыс. вагонов) пшеничной муки, 1 млн пудов (1 тыс. вагонов) ячменя, 1 млн пудов кукурузы, 500 тыс. пудов отрубей – цена продовольственных поставок равнялась 6 млн рублей. Грузы планировалось поставить в Сербию судами экспедиции М. М. Веселкина³⁶.

Положение русской армии в это время было далеко не блестящим. На Юго-Западном фронте с конца 1914 г. назревал кризис. 22 и 23 ноября (5 и 6 декабря) 1914 г. командир 24-го армейского корпуса просил о поддержке командующего 8-й армией, однако А. А. Брусилов не дал ему резервов. Тем не менее наступление корпуса продолжалось. 23 ноября (6 декабря) 48-я дивизия генерал-майора Л. Г. Корнилова овладела городом Гуменное – важным центром дорог. Корпус полностью выполнил поставленную перед ним задачу, выйдя в Венгрию, но развитие этого успеха целиком зависело от подкреплений. Их не было, а между тем на следующий день австрийцы перешли в контрнаступление против ослабленных русских сил, фронт которых к тому же был значительно растянут. Возникла угроза окружения 48-й дивизии, однако приказ А. А. Брусилова об отступлении последовал только 27 ноября (10 декабря). В результате отход дивизии происходил в весьма тяжелых условиях, и только блестящее командование Л. Г. Корнилова, который безупречно организовал его, а в решающий момент лично повел в контратаку последний резерв – штабные команды и роту саперов, спасло положение. Время было выиграно, дивизия отошла, сохранив обозы и артиллерию и уведя с собой 2 тыс. пленных³⁷. Тем не менее вторжение в Венгрию через Карпаты не состоялось.

Весьма сложной была обстановка и перед Краковом. Оторвавшиеся от своих тылов русские войска были утомлены, резко возросло сопротивление противника и, как следствие, потери. «Декабрь этого года, – вспоминал командир эскадрона 2-го Рижского драгунского полка, – выдался крайне дождливым, и стояла непролазная грязь, что донельзя измотало конский состав. Бои в районе Кракова шли жестокие. Потери доблестная Российская армия несла очень большие. Каждый день можно было встретить в направлении вокзала г. Тарнува гробы офицеров, увозимые родными для предания земле в России»³⁸. Все это не способствовало активизации действий русских войск на этом направлении. К началу декабря 1914 г. они приближались к Кракову с юга. Кавалерийские разъезды подходили к городу на 8 км.

«За время всех шести месяцев кампании, – писал корреспондент «Таймс», – Краков был центром притяжения для русских. Краков был центром русской проблемы. Пока Краков оставался невзятым, никакое масштабное продвижение ни в сторону Пруссии, ни в сторону Венгрии не было возможно, в то время как шанс достичь Вены был слишком мал для того, чтобы вообще обсуждать его. С Краковом в русских руках изменялась бы вся ситуация»³⁹. Если бы русские войска овладели Краковом, обстановка на фронте резко изменилась бы в пользу России. Краков давал возможность двигаться как в обход Карпат, так и в направлении Силезии. Это понимало и австрийское командование. Используя один из своих лучших, немецких по составу, корпусов – 14-й армейский (12 300 штыков и 128 орудий), опираясь на поддержку 47-

й германской дивизии (около 12 тыс. штыков и 36 орудий), Ф. Конрад фон Гётцендорф 1 (14) декабря перешел в наступление. Австрийцы надеялись использовать выдвинутое вперед положение 3-й армии и нанести поражение ее передовым корпусам, однако этот план, несмотря на энергичную поддержку немцев, также не завершился успехом. 3-я армия отошла и, перегруппировавшись, нанесла контрудар по австрийцам. Вскоре все кончилось⁴⁰.

В середине января 1915 г. генерал-квартирмейстер Ставки Ю. Н. Данилов представил план операций на будущую кампанию, вновь предусматривавший нанесение главного удара по Германии. Он исходил из следующих основных постулатов: 1) армия могла наступать на одном направлении;

2) в сложившейся ситуации признавались выгоды нанесения удара по Австро-Венгрии, так как путь на Будапешт и Вену короче, чем на Берлин (375 верст против 450), и успех здесь мог привести к выступлению на стороне Антанты колеблющихся нейтралов и даже распаду Австро-Венгрии. Однако быстрый успех такого наступления, по мысли генерала, был невозможен, так как операция могла затянуться на несколько месяцев, что в сложившейся ситуации было чрезвычайно опасно.

Ю. Н. Данилов перечислил следующие недостатки австро-венгерского направления: «1) оно бьет по второстепенному противнику; 2) *оно невыгодно с точки зрения общих интересов наших союзников, требующих сконцентрированного удара против главнейшего противника – немцев* (выделено мной. – А. О.) и

3) сосредоточение в этом операционном направлении значительных сил ведет к ослаблению нашего положения на важнейших путях к центру нашего собственного государства. Углубившись в Австро-Венгрию, мы будем бессильны остановить удар немцев на собственную сторону, каковой удар для них возможен ценою переброски достаточных для сего сил с французского фронта на нашу границу»⁴¹. Итак, генерал предлагал свое наступление в Восточную Пруссию для того, чтобы подготовить условия для похода на Берлин через район среднего течения Вислы.

Начать операцию планировалось в конце января 1915 г. (по старому стилю), когда подойдут обученные в тылу резервы и будет достигнут достаточный запас снарядов. Таковым Ю. Н. Данилов считал 432 снаряда на ствол, так как расход в Галицийской битве составил, по его подсчетам, всего 550 снарядов на орудие. Следует отметить, что для овладения Восточной Пруссией генерал-квартирмейстер Ставки не считал необходимым выжидать и полного восстановления боевой готовности всех армий (при некомплекте на момент написания данного доклада в 500 тыс. человек), которое ожидалось в апреле 1915 г. Существующие силы, по его мнению, делали вполне возможными переход русских армий в наступление и захват ими инициативы. Русской 10-й армии следовало оттянуть на себя как можно больше сил противника с левого берега Вислы в Восточную Пруссию, а в случае успеха – привести к овладению этой частью Германии. Помочь ей в этом должна была 12-я армия, которую предстояло еще сформировать. Их действия призваны были облегчить наступление русских войск из района Варшавы на Силезию⁴².

Предложения Ю. Н. Данилова, за исключением признания невозможности одновременного наступления сразу на Берлин и Вену, были, по сути, простым повторением предвоенных споров с таким же результатом. В противовес этому плану М. В. Алексеев предлагал три варианта направления основных ударов: в стык между германским и австрийским фронтами, по левому берегу Вислы; через Карпаты в Венгрию; через Буковину в Венгрию. Если первое направление могло развиваться как в сторону Германии, так и в сторону Австро-Венгрии, то вторые два имели в качестве цели Будапешт. Эти планы в какой-то степени отражали колебания начальника штаба Юго-Западного фронта, который все же склонялся к австрийскому направлению⁴³.

4 (17) января 1915 г. Николай Николаевич собрал новое совещание в Седлеце. Кроме генерала Ю. Н. Данилова на нем присутствовал только штаб Северо-Западного фронта: сам Н. В. Рузский, начальник штаба В. А. Орановский и генерал-квартирмейстер генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич. Они поддержали идею наступления в Восточную Пруссию. На следующий день Верховный главнокомандующий одобрил и записку Ю. Н. Данилова, и результаты совещания в Седлеце. 7 (20) января генерал Н. И. Иванов издал директиву о наступлении в Карпатах. Его начальник штаба вначале возражал⁴⁴.

Весьма характерно для М. В. Алексева, что он не стал активно отстаивать свою точку зрения при принятии решения командованием Юго-Западного фронта, однако наиболее интересно другое. Позже он стал принципиальным сторонником нанесения удара по Австро-Венгрии, слабейшему союзнику Германии, и это произошло уже через девять месяцев после описываемых событий. Колебания Верховного главнокомандующего явно подталкивали и Н. И. Иванова, и поддерживавшего его тогда М. В. Алексева к наступлению⁴⁵. Михаил Васильевич понимал, что его предложения о наступлении на левом берегу Вислы не будут поддержаны. Н. И. Иванов аргументировал необходимость наступления в Карпатах появлением здесь немецких пополнений и опасностью деблокады Перемышля. М. В. Алексеев в этой ситуации считал необходимым поддержать своего непосредственного начальника⁴⁶.

В результате возникла ситуация, когда параллельно существовали два плана наступления: против Германии в Восточной Пруссии и против Австро-Венгрии в Карпатах. Это было характерно для стиля руководства Николая Николаевича (младшего), проявившегося с особенной силой в период между Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциями. Результатом паллиативного решения стали распыление и без того недостаточных сил и полный отказ от предложений М. В. Алексева, отражавших настроения армии. В начале 1915 г. большинство офицеров Генерального штаба считали, что лучшей стратегией будет наступление на Юго-Западном фронте при обороне на Северо-Западном. Впрочем, это уже было не важно. На наступление, планируемое Н. И. Ивановым, у армии не было ни средств, ни сил. Против немцев были сосредоточены 52 пехотные и 16 кавалерийских дивизий, количественно половина и качественно лучшая половина русской армии⁴⁷. Всего же на фронте находилось 103,5 ослабленной русской дивизии против 41 германской и 42 австро-венгерских. При этом общий резерв Ставки состоял только из двух корпусов – Гвардейского и 4-го Сибирского, всего 4,5 дивизии⁴⁸.

Тем временем 15 дивизий 10-й армии должны были своими действиями помочь переходу в наступление 33,5 дивизии 1, 2, 5-й армий, находившимся на левом берегу Вислы. С точки зрения Ю. Н. Данилова, 10-я армия бездействовала, и ее необходимо было вывести из этого состояния⁴⁹. Между тем эта армия была уже серьезно ослаблена как раз в результате паллиативных решений Ставки. В декабре 1914 г. у Ф. В. Сиверса взяли шесть пехотных дивизий, пять стрелковых бригад и одну кавалерийскую дивизию. В феврале 1915 г. из 10-й армии для укрепления положения Юго-Западного фронта на Карпаты был переброшен 22-й корпус⁵⁰. 9-10 (22–23) января корпус сдал свои позиции на Северо-Западном фронте другим частям и начал отход в тыл, к железной дороге⁵¹. Предполагалось, что это подкрепление поможет 8-й армии, которая пробивалась через Дуклинский перевал в Венгрию, но при отсутствии большого мобильного резерва у Ставки и у генерала Н. В. Рузского эта мера привела лишь к ослаблению армии генерала Ф. В. Сиверса⁵².

Разгром 10-й армии и гибель 20-го корпуса

Численность германских сил в Восточной Пруссии оценивалась штабом Северо-Западного фронта и Ставкой примерно в 76-100 тыс. штыков¹. Войска Ф. В. Сиверса с конца 1914 г. по-прежнему упирались в линию фронта противника, основанную на построенных еще в довоенный период укреплениях². Вся активность русских здесь к концу 1914 г. сводилась к подготовке действий против укрепленного района Летцен, возникшего вокруг построенного в довоенный период форта Бойен³. Таковой была тактика, избранная ее командующим.

К середине декабря 1914 г. Ф. В. Сиверс признал невозможность быстрого прорыва через оборонительную линию противника, однако считая, что исключительно оборонительный образ действий негативно скажется на морали войск, предложил продолжать постепенное непрерывное движение армии вперед, немедленно закрепляясь на захваченных участках. Таким, хотя и медленным, но упорным движением армии вперед она могла наилучшим образом выполнить задачу по прикрытию тыла и сообщений армий фронта⁴.

Начальник штаба 10-й армии генерал барон А. П. фон Будберг относился к этим планам чрезвычайно негативно, считая армию совершенно неподготовленной к решению такого рода задачи⁵. Ее собственная оборона была линейно-крепостной: на практике это означало, что все было вытянуто в тонкую линию – и живая сила, и окопы, которые, правда, опирались на редкие узлы обороны⁶. В среднем на километр фронта приходилось по батальону слабого состава⁷. «Полки имели тогда по 3000 штыков, – вспоминал ротный командир 27-й пехотной дивизии, – но ввиду отправления многих частей на польский фронт 10-я армия была к этому времени ослаблена настолько, что на каждый полк приходилось не менее 4–6 верст по фронту.

Окопы были не непрерывные, очень слабые, и проволочные заграждения никуда не годные, а главное – позиции наши и здесь шли по открытым, низменным и болотистым местам. Ходы сообщения между окопами были вырыты неглубоко, местами приходилось прямо ползти по ним, чтобы не быть подстреленным немцами, а углублять замерзшую землю было очень трудно. Немцы, занимая сильно укрепленную командную позицию за рекой Ангерап, почти везде могли нас хорошо обстреливать»⁸.

Углублению окопов препятствовала не только промерзшая земля. Довоенная дренажная система была разрушена во время боев и строительства полевых укреплений, что, разумеется, прежде всего сказывалось в низине. Перед русскими позициями, как бы близко они ни подходили к немецким окопам, всегда оказывалось несколько линий проволочных заграждений⁹. Кроме того, они постоянно находились под огнем тяжелой артиллерии противника, что приводило к ежедневным потерям и изматывало нервы занимавших окопы частей, тем более что русская артиллерия получила строгий приказ экономить снаряды¹⁰. Усталость войск все более давала о себе знать. Немцы часто совершали короткие ночные вылазки, которые нередко заканчивались тем, что их партии уводили «за проволоку» русских пленных, попытки поиска которых, как правило, не были удачными. Застать немцев врасплох не удавалось – противник в большом количестве использовал прожекторы и осветительные ракеты¹¹.

В общем, занимаемые русскими войсками позиции не годились ни для обороны, поскольку были слишком растянуты, ни для наступления, так как растянутость не позволяла сконцентрировать силы на тех участках, где у немцев не было обороны, подобной линии по Ангерапу¹². В то же время в тылу 10-й армии не было ни готовых оборонительных линий, ни сколько-нибудь значительных резервов. Ее фланги оберегала кавалерия, что никак не гарантировало их от серьезной угрозы¹³. Между тем 10-я армия прикрывала ближние и дальние под-

ступы к четырем основным железнодорожным линиям, по которым шло снабжение Северо-Западного фронта (Петроград – Вильна – Гродно – Белосток – Варшава, Полоцк – Молодечно – Лида – Волковыск – Седлец – Варшава, Москва – Смоленск – Минск – Барановичи – Брест – Ивангород, Москва – Брянск – Пинск – Брест). Разрыв противником движения даже по одной из этих линий мог поставить армии фронта в весьма тяжелое, а всех – в катастрофическое положение¹⁴.

Тем не менее штаб Северо-Западного фронта, считавший, что немцы возобновят свои атаки на Варшаву, ждал, что 10-я армия своими действиями отвлечет на себя внимание противника от левого, западного берега Вислы и не допустит переброски туда подкреплений из состава 8-й и 10-й германских армий. Ставка также считала, что в Восточной Пруссии русские войска имеют достаточное превосходство в силах, чтобы приступить к реализации плана вторжения в эту немецкую провинцию¹⁵. «У изучающего деятельность Рузского в то время, – писал участник и исследователь этих боев, – не раз возникает впечатление, что при некоторых его оперативных соображениях и планах противник совершенно не принимался им во внимание. Через все его мероприятия красной нитью проходят предвзятость и упрямство относительно предполагаемых им намерений германского Верховного командования»¹⁶.

Главкомандующий фронтом планировал начать 10 (23) февраля 1915 г. наступление в Восточную Пруссию практически по всему периметру ее границ от правого берега Вислы до побережья Балтики силами 10-й и новой 12-й армий¹⁷. Этот план, включавший в себя и формирование 12-й армии, был утвержден Верховным главнокомандующим 5 (18) января 1915 г.¹⁸ План Н. В. Рузского был известен штабу 10-й армии. На совещании ее высших командиров под председательством Ф. В. Сиверса, которое прошло в Гольдапе 24 декабря 1914 г. (6 января 1915 г.), было единодушно принято решение отказаться от наступления, предлагаемого штабом фронта. Это решение не было утверждено Н. В. Рузским, и 7 (20) января 1915 г. он приказал командующему армией начать движение на его правом фланге, который занимала Вержболовская группа, представлявшая собой смесь сильных и слабых соединений и частей. В ее состав входили 27-я пехотная, 56-я и 73-я второочередные пехотные дивизии, части 29-й пехотной, 57-й и 68-й второочередных пехотных дивизий, пешие сотни пограничной стражи, часть артиллерии 3-го Сибирского армейского корпуса, поршневая артиллерия из крепости Ковно без лошадей, 1-я кавалерийская дивизия, три полка 3-й кавалерийской дивизии, 51-й Донской казачий полк¹⁹.

После ухода 22-го армейского корпуса на Юго-Западный фронт Ф. В. Сиверс считал свое положение опасным и 10 (23) января 1915 г. известил Н. В. Рузского, что «никто не гарантирует X армию от возможности повторения с нею того же маневра, что был сделан немцами против армии генерала Ренненкампа, т. е. переброски против нее нескольких корпусов и нанесения ей короткого, но решительного удара»²⁰. Опасения флангового удара со стороны противника были оставлены штабом фронта без внимания. С точки зрения генерал-квартирмейстера штаба фронта генерала М. Д. Бонч-Бруевича, «противник вряд ли на это решится, имея на фланге 12-ю армию»²¹. Правда, эта армия еще не была собрана.

Назначенный ее командующим генерал П. А. Плеве 13 (26) января сдал 5-ю армию генералу от инфантерии А. Е. Чурину и выехал в Насельск, где формировался его новый штаб. До конца января в составе 12-й армии по большей части находились только части, выделенные из состава соседей: 76-я и 77-я дивизии, гарнизон Новогеоргиевска и сама крепость, 1-й Туркестанский корпус, 63-я пехотная дивизия, 1-й кавалерийский корпус генерала от кавалерии В. А. Орановского (в конце января он был переведен на эту должность, на посту начальника штаба фронта его сменил генерал-лейтенант А. А. Гулевич) в составе трех дивизий, конная группа генерал-майора И. Г. Эрдели в составе двух дивизий, 4-я отдельная кавалерийская и

Уссурийская конные бригады – все они уже находились на фронте и никак не могли увеличить русские силы на этом направлении²².

Русские войска по-прежнему к обороне серьезно не готовились. Н. В. Рузский требовал подготовки к движению вперед, и окопы строились из учета облегчения будущей атаки²³. Исключение поначалу делалось только для Вержболовской группы, которая прежде всего должна была решать другие задачи – обеспечения правого фланга армии и направления на Ковно. Еще 6 (17) ноября 1914 г. командующий армией дал предписание Н. А. Епанчину, которое потом неоднократно повторялось: «Я еще раз подтверждаю, что в случае напора на Вас превосходных сил Ваш отряд должен рассчитывать только на себя, так как никакой помощи со стороны генерала Смирнова Вам оказано быть не может. Это обстоятельство, в связи с необходимостью прикрыть ковенское направление и с невозможностью допустить неприятеля одержать над Вами решительный успех, должно быть положено в основание всех Ваших планов и инструкций»²⁴. С Рождества 1915 г. Н. В. Рузский усилил свое, по словам А. П. фон Будберга, «особо назойливое и придирчивое внимание» к армии Ф. В. Сиверса – он требовал активизации на летценском и вержболовском направлениях²⁵.

Главкомандующий фронтом был недоволен пассивностью 10-й армии, но не возражал против ее кордонного расположения и отсутствия резервов. Для усиления 12-й армии в конце января в ее состав были переданы 4-й Сибирский армейский корпус, находившийся у Варшавы, 15-й армейский корпус, стоявший в Гомеле, 20-й армейский корпус из состава 10-й армии²⁶. По первоначальным планам 12-я и 10-я армии должны были начать наступление 10 (23) февраля, уже достаточно укомплектованные и снабженные для этого²⁷. Так как новая армия не могла завершить сосредоточение до конца февраля, 10-я армия вынуждена была начать действия в одиночку²⁸. Проведенная перед этим усиленная кавалерийская разведка выявила наличие перед русским фронтом значительных сил германской армии, однако ее данными не воспользовались²⁹.

Наступление должно было начаться на правом фланге. Попытки Н. А. Епанчина напомнить о результатах обсуждения этого вопроса Ф. В. Сиверсу окончились неудачей. Командующий армией сослался на категорический приказ Ставки и упреки в малодушии³⁰. В конечном итоге командующий армией предпочел выполнять приказы главнокомандующего фронтом. 12 (25) января Вержболовская группа под командованием командира 3-го армейского корпуса генерала Н. А. Епанчина начала движение вперед с целью проверки обороны противника. Оно удачно началось, но уже на второй день было остановлено противником³¹. Вряд ли крайне скромные успехи Вержболовской группы удивили Ф. В. Сиверса, так как он считал входившие в нее второочередные дивизии мало способными к наступательным операциям³². Прежде всего это касается 56-й и 73-й пехотных дивизий, занимавших правый фланг 3-го корпуса и всей армии.

Н. А. Епанчин открыто заявлял, «что эти дивизии были абсолютно негодны для серьезных наступательных операций, могли оказывать сопротивление недлительной и несильной атаке, да и то при нахождении на хорошо укрепленных и заблаговременно занятых позициях, и были под очень большим сомнением в отношении их устойчивости в случае направления на них сильного и продолжительного удара»³³. Дивизии сразу же после сформирования были включены в состав 1-й армии и дважды сильно пострадали: во время первого отступления из Восточной Пруссии и последовавших за ним боев на границе. Восстановить эти соединения так и не удалось, и в одно время их даже предполагали расформировать³⁴. На фронте 56-я и 73-я дивизии имели самую дурную репутацию, в ходу даже была шутка, что такие соседи опаснее немцев³⁵. Атакуя такими частями, трудно было рассчитывать на успех. Для выполнения при-

каза командующего армией пришлось собирать все, что было более или менее боеспособно, в некое подобие кулака, растягивая и без того вытянутые по фронту части, который увеличился еще на 30 верст³⁶.

«Для этого наступления, – вспоминал участник этих событий, – были взяты полки и батальоны со всех трех дивизий корпуса; из 27-й дивизии взяли весь 107-й полк и два батальона 105-го полка. Наступление с самого начала натолкнулось на сильное сопротивление немцев, которые сидели в обледенелых окопах за густым проволочным заграждением, и так называемая Лансдененская операция безнадежно затянулась. Через три дня после начала действий 73-я дивизия выделила еще несколько батальонов в наступающие отряды, и 108-й полк получил приказ увеличить свой участок на 2 км вправо, до д. Иодзунен. Все четыре батальона теперь растянулись на 9,5 км в одну линию, поэтому полк был усилен из резерва армии батальоном 29-й пехотной дивизии и сотней казаков, которые составили резерв полка в м. Вальтеркемен»³⁷.

Поддержать действия Вержболовской группы, как и предупреждал командующий армией, было некому. «В конце концов, – отмечал А. П. фон Будберг, – на нашем правом фланге получилась какая-то сумбурная каша из перемешанных частей нескольких дивизий, что еще больше ослабило наше там положение и, несомненно, отразилось весьма невыгодным образом на всем ходе последовавших событий. К середине января Лансдененская операция сделалась очередным пунктиком штаба фронта, а для нас – новым кошмаром и причиной постоянных напоминаний, нажимов, запросов и укоров; все наши наступательные в этом районе попытки наткнулись сразу же на очень упорное сопротивление неприятеля, а сборный и случайный состав нашей Лансдененской группы никоим образом не мог способствовать успеху исполнения поставленной ему задачи»³⁸.

Уровень руководства операцией также отнюдь не мог способствовать успеху. «Три штаба: Верховного главнокомандующего, Северо-Западного фронта и 10-й армии, – вспоминал Н. А. Епанчин, – совершенно не считались с обстановкой, как она была выяснена войсками этой армии, а сами не принимали мер для проверки поступавших донесений, выражая лишь недоверие доносившим начальникам»³⁹. Также необходимо отметить, что командующий армией весьма подозрительно относился к своему начальнику штаба, так как генерал А. П. фон Будберг принадлежал к редкой в высшем командовании категории лиц, которые последовательно отстаивают свою точку зрения, вне зависимости от мнения начальства⁴⁰. По мере неудач Вержболовской группы нервозность нарастала. «Штаб фронта волновался, – отмечал А. П. фон Будберг, – совершенно недвусмысленно выражал свое неудовольствие, вновь совал нам в нос наше превосходство в числе батальонов, требовал скорейшего и успешного окончания выпрямления фронта и всем этим очень нервировал нашего командовавшего армией»⁴¹. В результате события все больше и больше развивались вне контроля этих штабов.

До 18 (31) января 1915 г. на фронте Н. А. Епанчина шли бои с переменным успехом, но вскоре германская армия перехватила инициативу. Против русских частей стали действовать подошедшие к немцам подкрепления, в том числе и гвардия⁴². Не может не вызвать удивления тот факт, что командующий 10-й армией не обратил внимания на то, что на фронте Н. А. Епанчина были взяты пленные из частей, которых здесь ранее не было⁴³. Активизация действий противника, резкое ужесточение контроля над передовыми линиями, практически исключившего возможность проведения фронтовой разведки, появление значительных сил пехоты в районах, удобных для атаки, – все это явно указывало на подготовку противника к активным действиям⁴⁴. П. фон Гинденбург и Э. Людендорф действительно готовились к переходу в наступление, планируя совершить двустороннее окружение значительной части русской 10-й армии. Лучшие германские войска постепенно концентрировались на флангах армии Ф. В. Сиверса⁴⁵.

В вопросе о подкреплениях, необходимых для этой операции, командование Восточного фронта поначалу встретило сопротивление со стороны Э. фон Фалькенгайна, считавшего главным театром войны Западный фронт. За пять месяцев боев германская армия потеряла около 840 тыс. человек, включая 150 тыс. убитыми. Зимнее наступление на русском фронте даже в случае успеха не давало шанса на перелом в ходе войны. Гораздо более важным условием для этого было освобождение пути в Турцию, то есть наступление на Сербию⁴⁶. Э. фон Фалькенгайн был категорическим противником активизации действий на востоке, однако П. фон Гинденбурга и Э. Людендорфа, предлагавших временную передачу в их распоряжение так называемых новых корпусов, поддержал император⁴⁷. 20 января 1915 г. в Берлине было принято решение усилить восточное направление, и с 26 января по 6 февраля сюда были переброшены значительные силы⁴⁸.

В распоряжение П. фон Гинденбурга были направлены 21-й армейский корпус и три недавно сформированных – 38, 29 и 40-й резервные армейские корпуса⁴⁹. В их подготовке был учтен опыт боев 1914 г., и в целом они были неплохо обучены и снабжены для зимней кампании⁵⁰. На начало 1915 г. это был единственный стратегический резерв Германии⁵¹. Данное решение позволило развернуть в Восточной Пруссии две армии: 8-ю – под командованием генерала от инфантерии Отто фон Белова и 10-ю – под командованием генерал-полковника Германа фон Эйхгорна. Состав немецкой группировки был увеличен, вместе с приданными частями – до 8,5 корпуса, численность – до 250 тыс. человек. Ценность немецких дивизий не была одинаковой, многие резервисты и ландштурмисты были еще плохо обучены и не имели боевого опыта, но каждая часть имела ядро опытных офицеров и солдат, а в области управления войсками противник по-прежнему превосходил нас⁵².

Для того чтобы отвлечь внимание Н. В. Рузского от направления главного удара, немцы активизировались на левом берегу Вислы, где после тяжелейших боев 7–8 (20–21) декабря 1914 г. установилось временное затишье⁵³. С 1 января бои возобновились, на разных участках фронта и с разной интенсивностью немцы пытались прорвать русскую оборону. 10 января наступила передышка, вновь нарушенная атакой в ночь с 15 на 16 января, а 19 января 9-я армия попыталась перейти в наступление широким фронтом. Интенсивные бои в районе Болимова и Боржимова продолжались вплоть до 5 февраля⁵⁴. 29–30 января 1915 г. немцы предприняли новую атаку на Бзуре, и семь дивизий при поддержке 100 батарей (400 орудий), четверть из которых были тяжелыми, начали наступление на участке в 10 км в стык 1-й и 2-й русских армий. При этом активно использовались новые средства борьбы – газы и огнеметы⁵⁵.

Именно здесь, под Варшавой, у Болимова 31 января 1915 г. была проведена первая в истории войны масштабная газовая атака. По русским позициям было выпущено около 18 тыс. газовых снарядов. Полковник М. Гофман лично наблюдал за атакой с колокольни местной церкви – химики обещали успех. Впрочем, в условиях зимы, при сильных морозах использование газа практически не дало никаких результатов⁵⁶. Прекрасные войска 1-го Сибирского и 4-го армейского корпусов отразили эти атаки. Противник сумел углубиться в русскую оборону всего на несколько километров⁵⁷. Взятые с большими потерями передовые русские окопы были по большей части отбиты. За несколько дней боев противнику удалось взять и удержать за собой имение Воля-Шидловская. Впрочем, это приобретение никак не повлияло на общее положение дел на этом участке. К 5 февраля противник предпочел прекратить свои атаки⁵⁸.

Вскоре немцы назвали все это усиленной рекогносцировкой, которая должна была не допустить переброски русских войск с левого берега Вислы на правый⁵⁹. Очевидно, что в случае успеха П. фон Гинденбурга под Варшавой положение всего Северо-Западного фронта легко могло стать катастрофическим. Впрочем, германское командование не без основания

считало, что главной своей цели оно все же достигло⁶⁰. Ставка главковерха действительно приняла эти действия за генеральное наступление. 3 февраля был отдан приказ о задержке отправки 4-го Сибирского армейского корпуса в 12-ю армию. На угрожаемый участок были брошены резервы, которые начали контратаки без своевременной поддержки тяжелой артиллерии – она была подвезена позже.

В результате восемь русских дивизий в течение всего нескольких дней потеряли почти 50 % своего состава: 353 офицера и 39 720 солдат. К 5 февраля бои на этом направлении затихли. В этот день на убитом германском офицере было обнаружено письмо, в котором говорилось о сборе значительных сил в Восточной Пруссии. Информация была немедленно направлена в Барановичи⁶¹. 23 января (5 февраля) 1915 г. в Ставку прибыл Николай II. Там царило удивительно спокойное настроение: положение на фронте 10-й армии не вызывало тревоги, и все внимание привлекали к себе события на Бзуре, Равке и в Карпатах⁶². Между тем в этот же день Ф. В. Сиверс известил начальника штаба Северо-Западного фронта генерала А. А. Гулевича о том, что немцы усиливают свои войска в Восточной Пруссии, в связи с чем ему необходимо организовать корпусные резервы⁶³.

Немцы активно и методично готовились к наступлению, изъятие из состава 10-й русской армии 22-го корпуса не составило для них секрета. Опасность была очевидна, хотя противник и старался сделать все возможное, чтобы скрыть свои действия. Главнокомандующий на востоке запретил использовать на фронте прибывающие в Восточную Пруссию части до начала операции⁶⁴. Тем не менее переброска германских подкреплений была замечена. Предложения Ф. В. Сиверса являлись абсолютно логичными, хотя и несколько запоздали. Впрочем, ввиду того, что русская 10-я армия перед наступлением растянула свой фронт еще на 36 км, сделать это ранее было просто невозможно⁶⁵.

Время для создания резервов за тонкой линией фронта было безвозвратно упущено, тем более что к быстрому передвижению не располагала погода. За 10–12 дней до перехода немецкой армии в контрнаступление начались сильные морозы, а 23 января (5 февраля) разразилась сильнейшая снежная буря, продолжавшаяся в течение двух дней. В некоторых местах на дорогах возникли двухметровые сугробы, ветер, снег и лед выводили из строя немногочисленные телеграфные и телефонные линии⁶⁶. Воздушная разведка прекратилась, движение гужевого, автомобильного и железнодорожного транспорта было парализовано. Перевозки колесным транспортом стали возможны только при наличии рабочих команд, расчищавших дороги. Русский тыл встал⁶⁷. Разумеется, те же проблемы были и у немцев, которые немедленно приступили к их решению. Впрочем, морозы застали их на последнем этапе развертывания. Вечером 4 февраля П. фон Гинденбург вместе со своим окружением прибыл в Инстенбург, где находился штаб О. фон Белова. На следующий день были отданы последние распоряжения, уточняющие сроки и общий замысел будущего наступления⁶⁸.

Следует отметить, что командование германского Восточного фронта не опекало своих командующих армиями и не связывало их инициативу. Большую часть операции П. фон Гинденбург и Э. Людендорф провели в небольшой гостинице в Инстенбурге, где разместился штаб фронта. Обеспечивать решение их замысла на местах должны были О. фон Белов и Г. фон Эйхгорн, а единообразие взглядов всех командных инстанций способствовало успешной работе штабов⁶⁹. 25–26 января (7–8 февраля) 8-я и 10-я германские армии перешли в наступление против флангов русской 10-й армии⁷⁰. На левом фланге фронт Ф. В. Сиверса был прорван практически сразу⁷¹. К удивлению немецкого командования, большая часть русской 10-й армии оставалась на месте, ее командование, к видимому удовлетворению противника, не восприняло его успех 7 февраля как серьезную угрозу⁷².

Для Ф. В. Сиверса и Н. В. Рузского это наступление было полностью неожиданным. Тем не менее командующий 10-й армией по-прежнему считал, что сил противника, которые в состоянии создать настоящую опасную ситуацию, перед его фронтом нет и быть не может, и немцы не позволят себе ничего более серьезного, чем демонстрация с целью отвлечения внимания от фронта за Вислой. Между тем даже при том условии, что это было частное фланговое движение, парировать его было нечем. Резервов на участках германского наступления практически не было: в 3-м Сибирском армейском корпусе оставалось шесть, а в 3-м армейском – один батальон. Вечером 7 февраля Ф. В. Сиверс, по-прежнему игнорировавший сообщения о появлении на фронте новых немецких частей, распорядился контратаковать наступавшего противника⁷³.

Начальник штаба 10-й армии предложил немедленно обратиться к главнокомандующему фронтом с предложением оттянуть центр армии назад, перебросить один корпус из фронтовых резервов на ковенское направление и сосредоточить часть 12-й армии на левом фланге 10-й. Все это позволило бы осуществить контрманиевр против обходящих фланги Ф. В. Сиверса немцев. В ответ последовали упреки в проявлении «острого пессимизма». Попытки А. П. фон Будберга настаивать были пресечены замечанием Ф. В. Сиверса, отметившего, что ответственность за армию несет он один⁷⁴. 7 февраля командующий встретился с Н. А. Епанчиным и сообщил ему, что, поскольку на продолжении наступления настаивает не только командование фронта, но и Ставка, об отступлении не может быть и речи. Из состава Вержболовской группы было взято несколько частей для поддержки левого фланга армии, но при этом ей запрещалось сокращать фронт. Ф. В. Сиверс настаивал на прочном удержании всех занятых позиций. Утром 8 февраля немцы начали наступать и здесь⁷⁵.

Корпус Н. А. Епанчина отбил атаки, но очевидное превосходство противника в силах делало отступление лишь вопросом времени⁷⁶. Усиленная рекогносцировка утомила войска Вержболовской группы, безуспешные действия в течение почти двух недель на морозе, под открытым небом привели к появлению большого числа больных и обмороженных. К вечеру положение стало резко ухудшаться, все явственнее намечался обход и правого фланга 10-й армии⁷⁷. Только в 23 часа 50 минут 26 января (8 февраля) ее командующий сообщил начальнику штаба Северо-Западного фронта генералу А. А. Гулевичу о том, что при сложившихся обстоятельствах не видит возможности перехода в наступление и для ликвидации успеха немцев на своем левом фланге нуждается или в немедленном усилении корпусом, или в поддержке со стороны 12-й армии генерала П. А. Плеве.

Ответ А. А. Гулевича не предвещал ничего хорошего: «Усилить 10-ю армию нельзя – нет на фронте резервов, а потому главнокомандующий указал, чтобы ослабить фронт 10-й армии, оставив лишь заслоны, все остальное должно быть собрано для главной задачи – прикрытия сообщения армий, действующих в Варшавском районе»⁷⁸. Получив это сообщение, Ф. В. Сиверс немедленно отдал приказ о снятии с позиций осадной артиллерии, после чего в ночь на 27 января (9 февраля) сообщил Н. А. Епанчину, что в связи с поражением 57-й дивизии и отсутствием резервов левый фланг армии оказался под угрозой, а потому командующий предполагает начать этой же ночью отход. Командиру 3-го армейского корпуса было также предложено готовиться к отступлению и начать эвакуацию обозов и тыловых учреждений⁷⁹. Тот уже в четыре часа утра 9 февраля распорядился начать отвод части своих войск с наиболее опасных участков фронта, что и удалось провести вполне удачно. Немцы не преследовали отступавших⁸⁰.

На левом фланге армии также удалось выйти из опасного положения. С огромным трудом, благодаря активным действиям авангардов 3-го Сибирского корпуса, 27–28 января (9–10 февраля) были вывезены тяжелые батареи, действовавшие против Летцена⁸¹. Командовав-

ший Осовецкой крепостной артиллерией генерал-майор Н. А. Бржозовский в 10 часов вечера 26 января (8 февраля) получил приказ снять с позиции орудия и отправить их по крепостям, откуда они прибыли. В тяжелейших условиях приказ был выполнен в течение 34 часов, несмотря на холод, выюгу и заснеженные дороги. Последние поезда с осадной артиллерией уходили от пустой платформы, забитой накануне повозками и орудиями, когда железная дорога находилась уже под серьезной угрозой со стороны противника⁸².

Утром 27 января (9 февраля) штаб 10-й армии практически одновременно получил две телеграммы из штаба главнокомандующего фронтом. Первая, за подписью самого Н. В. Рузского, была адресована Ф. В. Сиверсу и содержала подробную инструкцию: «Для решительной атаки немцев, наступающих на Иоганнисбург, 10-й армии собрать в наикратчайший срок возможно большее количество войск, оставив заслоны на укрепленных позициях»⁸³. Вторая телеграмма была направлена А. П. фон Будбергу начальником штаба фронта: «Необходимо при отходе основательно разрушить железные дороги, дабы немцы не открыли своих сообщений по кратчайшему направлению через промежуток между Мазурскими озерами»⁸⁴.

Штаб Н. В. Рузского работал в импровизационном режиме, что объясняло появление подобного рода противоречивых распоряжений⁸⁵. Командующий 10-й армией не мог поначалу прийти к определенному решению, но вскоре ответил, что в связи с невозможностью парировать обход своего левого фланга собственными силами он отводит немного назад 20-й и 26-й корпуса. О Вержболовской группе речь пока не шла⁸⁶. Выполнить приказ Н. В. Рузского об организации контратаки Ф. В. Сиверс уже не мог, так как не имел для этого ни резервов, ни времени, к тому же он уже приказал командирам корпусов начать отход, но выполнить его в указанной последовательности не представлялось возможным. Прежде всего потому, что активность противника на фронте Вержболовской группы Н. А. Епанчина постоянно нарастала⁸⁷.

В конце концов, 27 января (9 февраля) командиру 20-го корпуса генералу от артиллерии П. И. Булгакову было приказано к утру 29 января (11 февраля) занять позиции у Гольдапа и Грабовена, 3-й корпус одновременно должен был отойти на позицию у Сталупенена⁸⁸. Приказ по армии от 27 января (9 февраля) с изложением плана отступления завершался категорическим требованием: «Все передвижения, вызываемые новым расположением войск, произвести наивозможно скрытно и в полном порядке, обратив особое внимание на связь между корпусами и отдельными отрядами. Напоминаю, что лучшее обеспечение флангов достигается расположением уступами вне флангов... Выполнение всего, связанного с занятием нового положения, произвести с полной энергией и помня, что в исключительные минуты требуются исключительное напряжение и выносливость»⁸⁹.

При отступлении в столь сложной обстановке возникла проблема с эвакуацией тылов. Поскольку снежные заносы парализовали движение по железной дороге, начальник штаба армии предложил оставить тяжелораненых и тифозных больных в госпитале в Лыке с тем, чтобы передать их немцам в порядке, установленном Женевской конвенцией. Вывозить этих людей гужевым транспортом было равносильно смертному приговору⁹⁰. Внезапно в штабе армии появился А. И. Гучков (он находился на фронте с миссией ЦК «Союза 17 октября», распределял теплые вещи, белье и солдатские кисеты, собранные в тылу)⁹¹, который выказал Ф. В. Сиверсу категорический протест против этого решения и заявил, что в случае приостановки отступления на сутки он берется осуществить вывоз всех тяжелораненых и тифозных больных. Ф. В. Сиверс, несмотря на протесты А. П. фон Будберга, принял сторону А. И. Гучкова – общее отступление армии было отложено⁹². Конечно, дело не только в А. И. Гучкове, Н. В. Рузский также по-прежнему настаивал на том, чтобы корпуса 10-й армии продолжали удерживать свои позиции⁹³.

Прежде всего решение о приостановке отступления коснулось центральных корпусов, так как днем 27 января (9 февраля) Н. А. Епанчин распорядился начать с наступлением темноты отвод своих войск на Сталупенен⁹⁴. Положение Вержболовской группы 9 февраля было весьма тяжелым. Составленная из разных частей, она не была слаженным механизмом, занимала слишком протяженный фронт – свыше 86 км, а в резерве у ее командующего имелся лишь один батальон⁹⁵. Фактически отход части этих войск начался еще до отдачи приказа командиром 3-го корпуса. Отступление стало безусловной необходимостью⁹⁶. Однако на следующий день перед Н. А. Епанчиным была выдвинута задача удерживать вержболовскую позицию, не ставя при этом под угрозу войска своей группы, то есть гарнизон Ковенской крепости, в случае разгрома которого она осталась бы беззащитной⁹⁷.

Движение на флангах угрожало центру армии, где еще сохранялось затишье. Все это явно указывало на стремление П. фон Гинденбурга осуществить свой излюбленный прием – окружение, но столь очевидная опасность не воспринималась серьезно в штабе фронта, а следовательно, и командующим 10-й армией⁹⁸. Ф. В. Сиверс не рискнул проявить инициативу и пойти на одновременный общий отвод войск с занимаемых ими позиций. Сутки были потеряны, а провести полную эвакуацию тифозных и тяжелораненых из Лыка А. И. Гучкову так и не удалось. С большими затруднениями туда был подан всего один теплушечный поезд, который вывез около 300 раненых и больных, часть из которых пришлось разместить на крышах вагонов⁹⁹.

Тем временем немцы, оттеснив 9 февраля русский кавалерийский заслон – группу генерал-лейтенанта Е. А. Леонтовича, все в большем количестве устремлялись в прорыв в тыл Вержболовской группы¹⁰⁰. Потеря времени при отступлении негативным образом сказалась на общем положении 10-й армии, но более всего на 20-м армейском корпусе, глубже остальных вклинившемся в оборону противника и имевшем самый длинный путь отхода¹⁰¹. Как ни странно, решение приостановить отступление только обрадовало его командира, который был уверен, что ему предоставили возможность отличиться при обороне своих позиций¹⁰². Части корпуса получили распоряжение генерала П. И. Булгакова «держаться на занимаемых позициях во что бы то ни стало»¹⁰³.

Командир корпуса выполнял приказы командующего армией, а тот – главнокомандующего фронтом. Возведение субординации в абсолют приводило к самым негативным последствиям. Дисциплина, требующая точного выполнения приказа, вступала в конфликт со здравым смыслом. На Ф. В. Сиверса по-прежнему продолжал давить штаб Н. В. Рузского, который исходил из собственного представления об обстановке и своими требованиями фактически лишал подчиненных возможности проявить инициативу¹⁰⁴. На самом деле для радости у П. И. Булгакова не было никаких оснований. «Мы, – вспоминал исполнявший должность командующего 53-й пехотной дивизией генерал-майор И. А. Хольмсен, – потеряли дорогое время для ухода из весьма критического положения»¹⁰⁵.

Фактически именно 20-й корпус, занимавший позиции восточнее реки Ангерап в центре армии, должен был прикрывать начатое с опозданием общее отступление, сам не имея прикрытия с правого фланга. Между тем его фронт протянулся более чем на 50 км, в его состав входила, кроме 28-й и 29-й дивизий нормальной организации мирного времени, второочередная 53-я дивизия (всего 42 батальона, 513 офицеров и 35 505 нижних чинов)¹⁰⁶. Положение на позициях с начала года было довольно спокойным, и с открытием немецкого наступления на Лык из 28-й и 53-й дивизий было приказано выделить по сводному полку для поддержки 3-го Сибирского корпуса. Казалось, ничего опасного не происходило, только 9-10 февраля несколько оживился артиллерийский огонь противника¹⁰⁷. В ночь на 27 января (9 февраля) в

состав 20-го корпуса была передана из 3-го корпуса 27-я дивизия, которой приказано немедленно сниматься с позиций и двигаться на Сувалки. Дивизия вынуждена была выполнять его, отбиваясь от наседавших немцев, однако выйти к Сувалкам она смогла лишь 1 (14) февраля¹⁰⁸.

Немцы, благодаря постоянному присутствию своей авиации в воздухе и продолжавшейся радиоболтовне русских штабов, достаточно оперативно получали информацию о том, что происходило в наших тылах¹⁰⁹. События стали уже опережать распоряжения русских штабов. Вечером 28 января (10 февраля) под натиском немцев 3-й армейский корпус без приказа начал отходить за Неман. Его части к концу года были уже серьезно разбавлены плохо обученными резервистами второй очереди, весьма слабо державшимися под огнем¹¹⁰. В то же самое время 56-я резервная дивизия Вержболовской группы расположилась в Эйдкунене и Вержболово без охранения, в результате чего была захвачена врасплох 78-й резервной дивизией немцев. Началась паника, и 56-я дивизия была быстро разбита¹¹¹. Особого сопротивления она не оказывала, как и в 1914 г., дивизия побежала, бросая все, что можно было бросить¹¹². Проявились все недостатки ее боевых качеств, о которых знало командование. В результате немцам удалось захватить три санитарных поезда, шесть орудий, 10 тыс. пленных, значительное количество военного имущества и весьма необходимого наступавшим продовольствия¹¹³. После этого кризис Вержболовской группы только усугублялся.

В ходе последующего отступления оторваться от противника не удалось, вновь произошло то, что уже не раз губило русскую армию: скверное управление движением при начале отступления, и в результате потеря контроля над ним¹¹⁴. В ночь на 28 января (10 февраля) штаб Н. А. Епанчина стал менять место дислокации, и к утру его поезд оказался в Ковно, в 100 верстах в тылу. Вскоре генерал вернулся назад в Вильковишки, но время было упущено¹¹⁵. Штаб корпуса при переезде фактически оказался оторван от своих подчиненных, управление войсками потеряно. Утром 29 января (11 февраля) две отходившие дивизии вышли на одну дорогу и перемешались, превратившись в толпу вооруженных людей¹¹⁶. Соединения, которые в течение почти двух недель с упорством вели тяжелейшие бои, наступая на немецкие укрепления, фактически прекратили свое существование как боеспособные единицы¹¹⁷. Оказать этим войскам какую-либо помощь непосредственно на фронте или в тылу, путем прикрытия тыловых путей к Неману, штаб 10-й армии не мог¹¹⁸. «Призрак противника сделал остальное, – вспоминал И. А. Хольмсен. – Вержболовская группа пришла в полное расстройство ко дню 11 февраля»¹¹⁹.

Дальнейшее движение ее остатков после этого быстро приняло хаотический характер. Подвергшись вечером 11 февраля нападению незначительных сил противника, толпы отступавших запаниковали и устремились в направлении на Ковно¹²⁰. Каким-то чудом удалось сохранить артиллерию: из 152 орудий, включая 16 тяжелых, было потеряно только 17 легких и 10 пулеметов¹²¹. Порядок и дисциплина сохранились лишь в прикрывающей отход коннице, из пехотных частей корпуса за Неманом собрались поначалу около 5 тыс. человек¹²². Впрочем, сохранившаяся благодаря командовавшему ею генералу Е. А. Леонтовичу кавалерия после отхода также перестала играть роль в сражении. До 2 (15) февраля конный отряд, выведенный на правый, восточный берег Немана в Олиту, фактически утратил связь со штабом армии и бездействовал. Командир отряда даже не воспользовался имевшейся у него радиостанцией¹²³. Прекрасный состав 1-й и 3-й кавалерийских дивизий и их артиллерийские бригады также не были им использованы в должной мере¹²⁴.

В весьма тяжелом положении сразу же оказалась крепость Ковно. К концу 1914 г. ее гарнизон состоял из двух ополченских бригад, второочередного казачьего полка и нескольких сотен пограничной стражи. Комендант крепости генерал от кавалерии В. Н. Григорьев был

занят формированием дивизиона осадной артиллерии, который ему надлежало направить под Перемышль. Опасаясь оказаться в сложном положении в случае прорыва немцев, он в январе 1915 г. обратился к Ф. В. Сиверсу с просьбой об усилении гарнизона, которая осталась без ответа. В результате к началу февраля ситуация нисколько не изменилась, за исключением того, что осадную артиллерию все же успели отправить на Юго-Западный фронт¹²⁵. Благодаря тому, что из Вержболовской группы удалось спасти хотя бы что-то, Ковенская крепость не лишилась полностью пехотного гарнизона, в противном случае немцы смогли бы взять ее практически голыми руками¹²⁶. С другой стороны, эти остатки в последующие критические для 10-й армии дни могли только обороняться.

В середине февраля гарнизон Ковно получил подкрепление, сюда стали прибывать из-под Варшавы эшелоны 2-й бригады 68-й пехотной дивизии¹²⁷. Впрочем, на положение 10-й армии это уже никак не могло повлиять. Учитывая то, что немцы заблаговременно озаботились выделением частей для прикрытия от возможных ударов со стороны Ковенской крепости, они смогли спокойно и без остановки продолжать обходное движение своими основными силами¹²⁸. В результате этих событий правый фланг 10-й армии был оголен, ее правофланговым корпусом фактически стал 20-й армейский корпус¹²⁹. Тем временем из-за задержки отступления командир 20-го корпуса, не зная о том, что справа и в тылу на пространстве более 80 км нет ни одной боеспособной русской части, весь день 28 января (10 февраля) продолжал удерживать занимаемые им позиции¹³⁰. Обходящие его колонны противника двигались, не встречая никаких серьезных препятствий, кроме природных. Разумеется, и немцы при движении столкнулись с теми же сложностями, однако наступавшие имели определенное преимущество.

«Снежные сугробы в человеческий рост, – вспоминал Э. Людендорф, – чередовались с гололедицей. Русским предстояли еще большие трудности, так как перед их колоннами должны были двигаться обозы»¹³¹. Нельзя не отметить, что подготовка германских войск к действиям в специфических зимних условиях Мазур была все же лучшей, чем у русских. «Тяжелее всего приходилось артиллерии и обозу, – писал участник боев, – так как, несмотря на то что они были снабжены полозьями, они все же вязли в снежных сугробах. Лошади, не получавшие уже достаточно фуража, не в силах были вытаскивать тяжелые повозки. Приходилось прибегать к человеческой помощи. Само собою понятно, что прежде всего следовало доставить артиллерию с ее зарядными ящиками. Обоз, походные кухни и провиантские повозки пришлось предоставить самим себе, и следовательно, о регулярном продовольствовании не могло быть и речи. Но каждый стремился только вперед»¹³². Сложности с обеспечением продовольствием и фуражом (в повозках и орудиях заблаговременно была введена усиленная упряжка в 10–12 лошадей) в определенный момент даже поставили под угрозу продолжение операции, но захваченные в Вержболово русские склады упростили решение проблемы снабжения¹³³.

После долгих колебаний днем 28 января (10 февраля) командующий 10-й армией принял решение об общем отступлении в направлении на восток¹³⁴. Явно противоречивые приказы, приходившие один за другим, приводили к путанице и никак не способствовали налаженной работе штаба и тыла 20-го корпуса¹³⁵. В результате предыдущий приказ начать подготовку к отходу от 27 января (9 февраля) пришел в его дивизии утром 28 января (10 февраля), а днем немцы начали атаковать их во фронт¹³⁶. Сам отход первоначально предполагалось организовать только в ночь с 28 на 29 января (с 10 на 11 февраля)¹³⁷. Не лучшим образом обстояли дела и в штабе 10-й армии. Поздним вечером 28 января (10 февраля) там получили сообщение, в котором говорилось, что значительные силы германской пехоты, прикрываясь на востоке конницей, движутся в тыл 20-го корпуса.

Только в этот момент Ф. В. Сиверс понял, какая угроза нависла над центром армии, но предпринять что-либо, чтобы обеспечить пути отхода войск П. И. Булгакова, он не мог по причине полного отсутствия резервов и разгрома 3-го корпуса¹³⁸. Между тем путь движения в сторону Немана, указанный 20-му корпусу, оказался уже под угрозой передовых частей 10-й немецкой армии¹³⁹. Отступление должно было начаться ночью, без прикрытия отброшенной противником кавалерии, при этом по дорогам, предназначенным для двух дивизий, должны были пройти четыре¹⁴⁰. Тем временем части прикрытия 20-го корпуса отбили попытки противника перейти в наступление на фронте и приковать русские войска к позициям. Понеся значительные потери, немцы вынуждены были откатиться назад, но вскоре они возобновили свои атаки¹⁴¹.

10 февраля в девять часов вечера начался отвод 20-го корпуса с занимаемых позиций. «Каждой дивизии, – вспоминал участник этих событий, – был указан путь отхода прямо на восток по отчаянно плохим проселкам. Между тем все главные дороги от фронта отходили несколько на юго-восток. Поэтому, отходя, согласно приказу штаба корпуса, дивизии открывали удобнейшие для движения пути противнику, вследствие чего примыкавшие с юга соседние части подвергались серьезной опасности быть атакованными во фланг с момента отхода северного соседа»¹⁴². И вскоре эта опасность стала реальной – ночью на правом фланге корпуса уже появились немцы¹⁴³. Направление на восток, на Неман, указанное П. И. Булгакову, делало практически неизбежным его столкновение с противником. Цель марша с самого начала находилась под серьезнейшей угрозой¹⁴⁴. Этим проблемы отступавших не ограничивались. Движение русских колонн в ночь с 28 на 29 января (с 10 на 11 февраля) проходило в тяжелейших условиях¹⁴⁵.

«Дорога была невероятно тяжелая, – вспоминал участник похода. – Последние дни шли снежные бураны и нанесли массу снега, образовав «пробки» в шоссейных выемах. Полотно железной дороги было занесено и движение поездов прекратилось еще с 26 января. В снежных заносах тонули орудия, повозки. Люди, сами измученные тяжелой дорогой, увязая по колено в рыхлом снегу, тащили и то, и другое по снежным сугробам на собственных плечах. Там, где лошади не могли тащить, выступали на сцену силы человека и побеждали стихию. Борьба была невероятная! Начавшаяся с вечера снежная метель к полночи превратилась в настоящую снежную бурю. Масса песка и снега секла и жгла лица и руки, а ураганный ветер прямо сбивал с ног измучившихся людей, пронизывая их своим ледяным дыханием. Все это вместе с сознанием оставления без боя укрепленной позиции породило тяжелое моральное состояние в течение этой мучительной ночи»¹⁴⁶. Войска сумели пройти за ночь около 18 верст, переход был относительно спокойным, противник еще не мешал их движению¹⁴⁷.

Морозы и метель сменились на следующий день необычно теплой погодой. Войска покидали территорию Восточной Пруссии и выходили на родное бездорожье. «Если трудно было идти под бураном и пробиваться сквозь засыпанную снегом пушу, – вспоминал командир 29-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А. Н. Розеншильд фон Паулин, – то дальнейшее движение стало еще более тяжелым. Настала оттепель, перешли с шоссейных немецких дорог на бездорожную пограничную полосу Сувалкской губернии, в болотистые низины и на холмы из вязкой глины. От Блиндгалена к колонне присоединились еще 2 и 3 парки, направленные сюда крайне нехотая инспектором артиллерии корпуса, и таким образом обозная колонна достигла невероятных размеров. Приходилось прямо надрываться, чтобы тащить артиллерию и повозки. В некоторых местах устраивали гати для перехода через болота, а подъемы выкладывали хворостом»¹⁴⁸.

Ускоренное движение в таких условиях было в принципе невозможно, между тем восточный маршрут отступления становился все более и более опасным. 11 февраля немцы находи-

лись от Мариамполя и Кальварии на расстоянии 25–30 верст, 20-й корпус – на расстоянии 60 верст, от Сейн его отделяло 75 верст, противника – 60 верст¹⁴⁹. Постоянный контакт с противником, трудности движения по узким дорогам, проходящим через леса, озера и болота – все это ставило возможность успешного отхода под угрозу. В не меньшей степени угрожало русским войскам отсутствие координации движения. На марше дивизионные штабы теряли связь с корпусным, в результате и те, и другие сутками не имели информации друг о друге¹⁵⁰.

Перемешиваясь между собой, части теряли боеспособность и оставляли неплохо подготовленные промежуточные позиции, которые так не хотели атаковать в лоб немцы¹⁵¹. Возникла серьезная опасность для центра армии, настоятельно требовавшая изменения маршрута его движения.

Днем 29 января (11 февраля) Н. В. Рузский по-прежнему требовал задержать наступление противника и сделать все возможное, чтобы не допустить дальнейшего отхода правого фланга 10-й армии¹⁵². Надо отдать должное Ф. В. Сиверсу – он попытался разъяснить реальную ситуацию начальнику штаба фронта генералу А. А. Гулевичу: «О том, что делается в районе генерала Епанчина, я не знаю. Если я решился отходить, то только ввиду крайности. Если я буду упорствовать на настоящих позициях, то могу подвергнуть остальные три корпуса риску не только потерять свои сообщения, но и лишиться возможности перехода в наступление совместно с 12-й армией. Прошу сообщить, чем Вы руководствовались, настаивая на том, чтобы я атаковал противника и помогал расстроенному и уже отступившему Епанчину. Какая от этого будет польза, если и части XX корпуса будут расстроены? Я представляю себе обстановку так, что для общей пользы мне нужно отойти от угрожающих обходов – действительных, а не воображаемых, и сохранить три корпуса для перехода в наступление»¹⁵³.

В ответ штаб фронта распорядился в крайнем случае отступить на один переход и в любом случае удержать эту линию, возражения Ф. В. Сиверса о невозможности выполнения данного приказа были проигнорированы¹⁵⁴. В это время А. П. фон Будберг предложил немедленно изменить маршрут движения 20-го корпуса и начать подготовку новых путей отхода, однако командующий армией опасался, что изменение приказа приведет к перекрещиванию колонн в движении и хаосу¹⁵⁵. Иначе говоря, начальник штаба 10-й армии предлагал пойти на ускоренный вывод войск в южном направлении, в сторону от наступавших немцев, что привело бы к потере обозов и этапных линий, но спасло бы живую силу. Данное решение в случае его реализации могло ликвидировать угрозу катастрофы, сведя ее на уровень неудачи.

Ф. В. Сиверс не решился принять это предложение, тем более что штаб фронта был решительно против оставления Восточной Пруссии без боя¹⁵⁶. Разрешение Н. В. Рузского действовать по собственному усмотрению, да и то со значительными оговорками, командующий получил в час дня 29 января (11 февраля): «Вследствие занятия немцами района Просткен – Граево и возможности их дальнейшего движения на Августов и ввиду неимения сведений о положении генерала Епанчина предоставляю Вам действовать по обстановке, считая конечной целью, во всяком случае, остановить наступление немцев на линии Осовец – Августов – Сейны – Ковно, опираясь флангами на крепости и удерживая во что бы то ни стало Августов и при малейшей возможности Сувалки, дабы иметь выгодное исходное положение для решительного перехода в наступление одновременно с войсками, сосредоточенными в Ломжинском районе»¹⁵⁷.

Только поздно ночью 29 января (11 февраля) в штабе армии окончательно выяснились размеры катастрофы на правом фланге. Стало ясно, что Вержболовская группа практически перестала существовать¹⁵⁸. Что касается группы 12-й армии в районе Ломжи, то она еще не была собрана. Первые части, назначенные для прикрытия развертывания группы, начали появляться в этом районе только 1 (14) февраля, сосредоточение же ее было закончено только к 3 (16) февраля. Учитывая тот факт, что целый ряд частей сразу же начал перебрасываться

с относительно спокойного направления на Прасныше на угрожаемые участки, к 4 (17) февраля вся 12-я армия насчитывала всего четыре дивизии и реальной помощи Северо-Западному фронту оказать не могла¹⁵⁹.

Кризис на правом фланге 10-й армии продолжал углубляться. Несколько лучше дело обстояло на ее левом фланге, которому удалось вовремя оказать помощь – 30 января (12 февраля) сюда на санях была переброшена стрелковая бригада. Сделано это было как нельзя вовремя, так как в резерве оборонявшегося в районе Лыка 3-го Сибирского армейского корпуса к моменту ее прибытия оставался лишь один батальон¹⁶⁰. С большим трудом благодаря упорной обороне сибиряков 10–13 февраля прорыв немцев здесь был временно остановлен¹⁶¹. Командиру корпуса генералу от инфантерии Е. А. Радкевичу удалось стабилизировать положение, что несколько успокоило Ф. В. Сиверса, считавшего, что свой основной удар немцы наносят именно на этом участке¹⁶². Окружение сибиряков не удалось, однако армия О. фон Белова достигла уже определенных результатов – с начала наступления ею были захвачены 8 тыс. пленных, 21 орудие и 34 пулемета¹⁶³.

Весь день 31 января (13 февраля) начальник штаба 10-й армии генерал А. П. фон Будберг настаивал на форсированном выводе 3-го Сибирского и 20-го армейского корпусов в направлении на юг и юго-восток, к линии реки Бобр¹⁶⁴. Это решение не только могло вывести войска из-под опасности окружения, но и дало бы им возможность занять относительно немецкого движения фланговое положение. Однако эти предложения не были поддержаны¹⁶⁵. Причина отказа Ф. В. Сиверса была той же, что и ранее – 13 февраля он получил распоряжение главнокомандующего фронтом: 10-й армии разрешалось отступить далее указанной ранее линии Осовец – Августов – Ковно и занять позиции Осовец – Липск – Сопецкин – Олита – Ковно для прикрытия сообщений армий Северо-Западного фронта, действующих на Висле.

Н. В. Рузский был категоричен: «Крайне необходимо при этом сохранить целостность и полную боеспособность армии как для выполнения этой основной задачи, так и для перехода армии при благоприятной обстановке в наступление одновременно с наступлением войск, сосредотачиваемых на Нареве. Ввиду отхода III корпуса (Вержболовской группы) в район Ковно считаю нужным обратить Ваше внимание на обеспечение правого фланга остальных корпусов армии, сообщение их с Олитой и на обеспечение переправы у этого пункта»¹⁶⁶. Итак, главнокомандующий по-прежнему надеялся перейти в контрнаступление силами 12-й армии и подтверждал восточный маршрут 20-го корпуса. Вслед за его приказом пришла телеграмма от генерала М. Д. Бонч-Бруевича, который требовал решительно ускорить движение корпусов и обратить внимание на район Сопецкина, который должен быть занят до того, как там окажется противник¹⁶⁷.

В этом районе, в непосредственной близости от передовых фортов Гродненской крепости, находились ее передовые полевые позиции. Они были подготовлены в самом начале войны, когда здесь отрыли отличные окопы и установили проволочные заграждения на запад. Эти укрепления на Сопецкинских высотах, откуда открывался прекрасный обзор на выход из лесов, как раз и строились с целью не допустить возможности выхода значительных сил противника из Августовских лесов к Гродно¹⁶⁸. Напряжение мог разрядить только своевременный приход значительных подкреплений. Ими могли стать 15-й и 2-й армейские корпуса, которые находились в распоряжении главнокомандующего, но великий князь предпочел оставить их в резерве¹⁶⁹. 15-й корпус только удалось восстановить после разгрома в августе 1914 г., его полки состояли из резервистов и поэтому не считались достаточно надежными¹⁷⁰.

Оба корпуса были, в конце концов, направлены в 10-ю армию, но они по-прежнему считались находящимися в резерве Ставки, и имелось специальное категорическое запрещение

использовать их для каких-либо местных операций¹⁷¹. Распоряжение о начале перевозки 15-го корпуса было отдано 11 февраля. 13 февраля Н. В. Рузский просил Ставку разрешить направить для занятия Сопоткина одну из его дивизий, на что последовал отказ генерала Ю. Н. Данилова¹⁷². В тот же день, 13 февраля, штаб 10-й армии переехал в Гродно. Перед отъездом со старшими офицерами своего штаба в Сувалки прибыл П. И. Булгаков. Во время встречи с командующим он вновь получил категорическое требование двигаться указанным ранее восточным маршрутом на Гродно¹⁷³. После разговора с Ф. В. Сиверсом с командиром корпуса решил побеседовать А. П. фон Будберг. Начальник штаба армии заявил, что выполнение приказа командующего приведет к неизбежному окружению отступавших. Генерал пошел на весьма необычное и рискованное решение.

«Затем, – вспоминал он, – предупредив Булгакова, что говорил с ним не как начальник штаба армии, а как его соратник и как прежний сослуживец по гвардейской кавалерии, высказал ему, что, по моему ничем не поколебимому убеждению, единственным решением для благополучного выхода его корпуса из создавшегося положения было неисполнение только что отданного ему приказа по армии и движение не на восток – на Сейны, а на юг и юго-восток – на Августов и Липск. Я напомнил ему, что через несколько часов командовавший армией отправлялся в Гродно и связь с ним временно прерывалась, а в это время всякий командир корпуса получал законное право принять любое решение, вызванное изменившейся обстановкой и признававшееся им необходимым, с последующим затем донесением по команде и с уведомлением соседних корпусов. Я объяснил ему по карте, что предлагавшееся мной законное самоуправство в изменении направления отхода его корпуса никоим образом не нарушало интересов всей армии в направлении на восток, так как там наших войск не было, а могли быть только немцы, а что касалось захвата чужих дорог, связанного с отходом на юг и юго-восток, то имелась прямая телеграфная связь с генералом Радкевичем, объединявшим командование XXVI и III Сибирским корпусами, а потому и представлялась полная возможность немедленно же сговориться с ним о распределении путей, каковых имелось вполне достаточно для движения в южном направлении всех трех корпусов и для последующего затем их перехода на левый берег Бобра. В случае принятия такого решения являлось крайне необходимым освободиться от излишков артиллерии и обозов, которые должны были только замедлить движение части корпуса по лесным дорогам, находившимся в это время в отчаянно скверном состоянии; по моему мнению, для этого надлежало немедленно же отправить всю лишнюю артиллерию по отличному широкому шоссе на Августов и Липск, в данное время совершенно свободному, вести ее во взводных колоннах переменными аллюрами, в прикрытии ей дать пехотные части с пулеметами, посаженные в обозные двуколки, беспощадно освобожденные от всякого груза»¹⁷⁴.

П. И. Булгаков и его спутники были поражены услышанным до такой степени, что оставили А. П. фон Будберга, не промолвив ни слова. Дальнейшие их действия указывали на то, что они предпочли выполнить приказ командующего, загонявший их в ловушку. Правда, командир корпуса попытался осуществить совет относительно части артиллерии и обозов, что было решительно пресечено приказом Ф. В. Сиверса, подтвердившего свои распоряжения относительно маршрута движения и задержавшего войска в Сувалках¹⁷⁵. Позже П. И. Булгаков, очевидно под влиянием разговора с А. П. фон Будбергом, обратился к командующему армией с просьбой разрешить отход на Августов. Тот, в свою очередь, обсудил это предложение со старшими офицерами штаба. Они энергично поддержали точку зрения Ф. В. Сиверса, протесты начальника штаба были проигнорированы. В результате А. П. фон Будберг покинул совещание, заявив, что не подпишет приказ, выполнение которого обрекает 20-й корпус на гибель¹⁷⁶.

Командующий армией не нашел в себе силы нарушить указания главнокомандующего фронтом. Генерал Н. В. Рузский по-прежнему требовал от 10-й армии стойкой обороны и

удержания занятых территорий. В три часа ночи 1 (14 февраля) штаб П. И. Булгакова получил телеграмму от Ф. В. Сиверса: «Ваше предложение об отходе к Августову совершенно невозможно по числу и направлению путей для всех корпусов. Передвижение Вашего корпуса на Августов повлечет раньше всего пересечение путей отступления и создаст задержание отхода, а между тем при создавшейся обстановке главное, что нужно, – это сохранить свободу отхода на тыловые позиции у Сопоткина, Липска и Штабина. Задача Ваша состоит в задержании у Сувалок сил противника, наступающих с запада и севера, и в обеспечении правого фланга других корпусов. Если выяснится, что эти силы незначительны, то оставить против них небольшой заслон, и в зависимости от результата боев у Августова Вам можно будет двинуться против той группы противника, которая обнаружена в движении от Кальварии в направлении на юго-восток»¹⁷⁷. Это был уже совершенно невыполнимый приказ.

В три часа дня 31 января (13 февраля) передовые отряды 42-й германской пехотной дивизии заняли Сейны, в тот же день противник овладел и Кальварией. Точной информации о количестве немецких сил в этих городах в штабе армии не имелось, но ясно было одно: указанный корпусу восточный маршрут в направлении на Неман уже перерезан¹⁷⁸. Не зная еще подробностей положения у Сейн, но понимая гибельность этого пути, начальник штаба армии отправил П. И. Булгакову телеграмму: «Полагаю, что при создавшейся обстановке у Сейны Вам надо отходить на Августов, бросив немедленно части за 28-й дивизией. Решение всей операции – в боях у Райграда, где надо разбить немцев во что бы то ни стало. Иного исхода нет. На север надо выставить заслоном 27-ю дивизию, частью 29-ю, при сильной артиллерии и разбить немцев. Условьтесь с Радкевичем»¹⁷⁹. В ночь с 13 на 14 февраля 3-й Сибирский армейский корпус оставил Лык. 14 февраля туда вошли немцы, а вслед за своими войсками в город въехал кайзер. Его приезд обычно старались приурочить к заключительной фазе важной операции. И если разгрома и окружения левого фланга русской 10-й армии не получилось, угроза в отношении центра оставалась крайне серьезной¹⁸⁰.

В шесть часов вечера 13 февраля штаб 20-го корпуса выдвинулся из Сувалок на Сейны. Информации о том, что город уже несколько часов занят противником, не было. В результате уже через два часа он был вынужден вернуться¹⁸¹. Выступившим в направлении на Сейны обозам пришлось повернуть назад, что привело к еще большему их смешиванию. «Беспорядок в обозной колонне и на улицах города достиг не поддающегося описанию размера, – отметил в своем дневнике в этот день генерал И. А. Хольмсен, – вследствие чего я только в десятом часу вечера, наконец, отыскал штаб корпуса. В большом зале губернаторского дома я застал большую массу офицеров, которым, собственно говоря, было не место в штабе корпуса, где в это время, к моему удивлению, в присутствии командира корпуса обсуждалось последнее событие дня – наскок в 3 часа дня германской кавалерии с пехотой и занятие г. Сейны, результатом коего явился разрез пополам нашей обозной колонны. Отрезанными от корпуса оказались большая часть дивизионных обозов и некоторые артиллерийские парки»¹⁸². Этим обозам и паркам удалось почти беспрепятственно перебраться через Неман у Друскеникая и добраться до Гродно, но в Сейнах была потеряна штабная радиостанция, и с ночи на 1 (14) февраля радиосвязь с Гродно была утрачена¹⁸³.

Итак, перед П. И. Булгаковым стоял выбор: приказ Ф. В. Сиверса, уже очевидно обрекавший его на полное окружение, и совет А. П. фон Будберга, дававший шанс на выход из кризиса. 1 (14) февраля командир корпуса приказал стянуть войска к Сувалкам, где находилось огромное количество

обозов разных частей. В центре движения отходивших царил полнейший беспорядок, штаб корпуса уже не владел точной информацией о своих частях, но движение немцев явно указывало на то, что отступающих пытаются отрезать от пути на Гродно¹⁸⁴. На самостоятель-

ные действия в этот критический момент П. И. Булгаков оказался не способен. К утру весь генералитет корпуса собрался в Сувалках¹⁸⁵. Перед началом совещания была получена новая телеграмма командующего армией (телеграф еще работал), который требовал выяснить количество сил, наступающих от Кальварии на Сувалки, и «при малейшей к тому возможности разбить противника по частям, пользуясь Вашим центральным положением и превосходством сил»¹⁸⁶.

Совершенно непонятно, откуда Ф. В. Сиверс взял данные о превосходстве сил 20-го корпуса над противником, но ясно одно – А. П. фон Будберг был прав: между Райгродом и Сувалками было всего 50 верст, и в случае совместного наступления Е. А. Радкевича и П. И. Булгакова у них еще оставался шанс на выход из кризиса. Но для этого необходимо было изменить маршрут 20-го корпуса и ускоренным маршем двинуть его на юг, к Райгроду и далее к Августову¹⁸⁷. В 13 часов 30 минут 14 февраля Ф. В. Сиверс вновь повторил свои категорические указания командиру 20-го корпуса и добавил к ним новые: «Указанная мною Вам задача разбить противника по частям, если обстановка будет благоприятна, выполняй лишь при условии самого быстрого и энергичного действия, так как уже через два дня численное превосходство может быть не на Вашей стороне, а у противника. Примите возможные меры к тому, чтобы не потерять обозы и особенно парки»¹⁸⁸. Обстановка была неблагоприятной, быстрые действия исключались по причине состояния отступавших частей, их численное превосходство над противником было умозрачным. Приказ Ф. В. Сиверса никак не учитывал реального положения, в котором оказался 20-й корпус, но все же это был приказ.

Нарушить его самостоятельно и спасти свое соединение командир корпуса не решился. «Будучи первым делом исполнительным служакою, – вспоминал И. А. Хольмсен, – генералу Булгакову было трудно, когда нужно было, стать на путь самостоятельных решений, вытекающих из обстоятельств. Ему было свойственно добиваться приказа свыше»¹⁸⁹. В этот раз генерал предпочел разделить ответственность с подчиненными. «На Военном совете, прошедшем под знаком усталости и уныния, – вспоминал один из его участников, – ничего путного решено не было; да и трудно было что-либо предпринять. Директива определенно указывала, что пути отступления должны были вести через Сувалки прямо на восток к Гродно, через труднопроходимый Августовский лес, без единой шоссейной дороги, по узким грунтовым и лесным тропам, почти на протяжении ста верст. Все пути к северу и югу от этого почти девственного леса были предоставлены другим корпусам 10-й армии, они и успели проскочить к Неману. А шоссейная дорога от Августова на Гродно уже к вечеру 2 февраля была в руках немцев, то есть непосредственно на фланге колонн 20-го корпуса»¹⁹⁰.

Над корпусом уже нависла угроза атаки во фланг и тыл. Убедившись в том, что активных действий со стороны русской 10-й армии ожидать не приходится, немцы, прикрывшись незначительными силами от Осовца, начали перекрывать дороги, блокируя пути отхода 20-го корпуса¹⁹¹. Требовались решительные и быстрые меры, но П. И. Булгаков предпочел продолжать стягивать все, чем еще в состоянии был распорядиться, к Сувалкам. Единственное, в чем он решился нарушить приказ Ф. В. Сиверса, – отказ от наступления. Корпус получил задачу оборонять город. Ввиду начавшейся оттепели был отдан приказ о переходе обоза с саней на колеса, на что, естественно, требовалось время. Обоз все больше превращался в обузу, которая тянула войска на дно. Еще один день был потерян¹⁹².

Неудачей закончилась и попытка установить контакт с 3-м Сибирским корпусом. Высланные Е. А. Радкевичем из Августова два батальона 111-го Донского пехотного полка с батареей неожиданно для себя наткнулись на части 65-й пехотной бригады и были разбиты. Ф. В. Сиверс, не разгадав замысла противника, более всего опасался за безопасность железной дороги Варшава – Петроград на участке Белосток – Гродно. Обеспечению путей снабжения

Северо-Западного фронта от возможных покушений со стороны противника его обязывал и приказ Н. В. Рузского от 13 февраля. Поэтому направленные в поддержку армии два корпуса были распределены следующим образом: 15-й армейский корпус – в Гродно, а 2-й армейский корпус – в Белосток¹⁹³.

Немцы преследовали разбитые батальоны 111-го полка, и днем 2 (15) февраля, развивая свой успех, передовые части их 65-й пехотной бригады с боем овладели окраинами Августова. Выбить их отсюда не удалось. Одна из дорог из Сувалок на Гродно проходила именно через этот город, и с потерей контроля над ней была утрачена и телеграфная связь штаба 20-го корпуса со штабом армии и группой Е. А. Радкевича, как и возможность совместных действий с его войсками. К 3 (16) февраля основные части 3-го Сибирского и 26-го армейского корпусов уже подходили к переправам на реке Бобр. Они предприняли ряд контратак с целью вернуть контроль над Августовом, которые не имели успеха. К исходу вечера 16 февраля немцы овладели северной окраиной города и только утром следующего дня, после подхода 10-й ландверной дивизии, прочно заняли его, а наши войска переправились через Бобр, сохранив плацдарм на северном его берегу. Запланированное окружение двух корпусов в районе Августова не удалось¹⁹⁴. Под угрозой оставался еще один корпус.

Информации о расположении 20-го корпуса у Ф. В. Сиверса с 15 февраля уже не было. Русская авиация по причине отсутствия надежных самолетов в воздухе не появлялась¹⁹⁵. Ко 2 (15) февраля штаб армии, переехавший в Гродно, наконец получил данные о конном отряде генерала Е. А. Леонтовича. 3-я кавалерийская дивизия и приданные ей части (всего 42 эскадрона и четыре конные батареи) укрылись на восточном берегу Немана в Олите. Отряду немедленно был дан приказ приступить к действиям против немецкой кавалерии, которая безнаказанно громила русские обозы и парки на западном берегу. К удивлению штаба армии, на это последовал отказ со ссылкой на полную изнуренность конского состава. Между тем отряд за четверо суток проделал около 100 верст пути, что никак не могло привести к таким последствиям, тем более последние три дня он практически бездействовал. Ф. В. Сиверс отстранил Е. А. Леонтовича, на его место был назначен генерал-майор барон В. Н. фон Майдель. Однако сделать что-либо серьезное не смог и он, так как предмостные укрепления были очищены, а мосты через Неман взорваны¹⁹⁶.

В результате на левом берегу реки сколько-нибудь значительных сил русской конницы так и не появилось. Кавалерийские разъезды, посылаемые для связи с П. И. Булгаковым, повсюду наталкивались на германские посты¹⁹⁷. В ночь со 2 на 3 (с 15 на 16) февраля русские войска начали покидать Сувалки. Их движение было крайне медленным, поскольку все улицы города оказались забиты артиллерией, парками и обозами¹⁹⁸. Фактически вся ночь была потрачена на то, чтобы придать колоннам хоть какой-то порядок. К счастью, противник не беспокоил войска своими атаками. Население города провожало отступавших, люди выходили на улицы и раздавали измученным солдатам хлеб¹⁹⁹. «На рассвете того же числа, – вспоминал полковник В. Н. фон Дрейер, – три дивизии втянулись в злополучный лес, превратившийся ровно через неделю в их могилу. Истощенные войска шли день и ночь, без сна, в стужу, по снегу, питаясь больше сухарями, что были у солдат в ранцах. Отсталые или раненые или замерзали, или попадали в плен; по ночам велась со всех сторон беспорядочная стрельба; артиллерийские лошади выбивались из сил, без корма, вывоза из грязи пушки и зарядные ящики»²⁰⁰.

Дорога, по которой шел корпус, представляла собой ряд лесных дефиле, в которых невозможно было ускоренное движение, но зато ее практически везде удобно было блокировать небольшим силам противника²⁰¹. Вокруг Августовских лесов, простиравшихся на 100 км с востока на запад и на 60 с юга на север, куда втягивались его части, к 15 февраля было собрано три германских корпуса. Леса пересекали три шоссе, южные выходы из них завершались боло-

тистыми долинами рек Бобр и Волкушек в 25 км от Гродно²⁰². Кроме того, в лесном массиве находилась значительная часть так называемой Августовской системы каналов, соединявших Неман и Вислу. Это была сеть собственно каналов, рек и озер, лед на которых в это время был непрочным. Двигаться по нему можно было только небольшим группам или враспынную²⁰³.

Возможность провести через лес, вне дороги части с обозами и артиллерией исключалась. Движение по дорогам было чрезвычайно тяжелым, а слабая его организация в условиях ночных переходов приводила к потере контроля над движущимися колоннами²⁰⁴. Солдатам 20-го корпуса так же, как и солдатам 2-й армии в начале войны, пришлось штурмовать на узких дорогах одно препятствие за другим²⁰⁵. Части 42-й германской дивизии, попытавшейся остановить их движение, были разбиты и вынуждены откатиться назад²⁰⁶. Русские войска действовали исключительно упорно, только в ходе атак 3 (16) февраля 108-м Саратовским и 107-м Уфимским полками были взяты до 1500 пленных, шесть орудий, два пулемета, однако и собственные потери оказались весьма велики²⁰⁷. Остатки немецких заслонов освободили дорогу, и казалось, что угроза окружения была снята²⁰⁸.

Крупные успехи и очевидное поражение трех пехотных полков противника окрылили солдат и офицеров и вернули им надежду на благополучный выход из окружения. Чувство опасности на время покинуло и командование²⁰⁹. Между тем бои задержали корпус, а ему необходимо было спешить. На выходе из леса находились передовые полевые позиции крепости Гродно. 1 (14) февраля А. П. фон Будберг настоятельно требовал занять эти укрепления, ведь генерал инспектировал их в октябре 1914 г. и знал, какую серьезную преграду они представляют. Начальник штаба армии распорядился направить туда три ополченских дружины, три третьеочередные казачьи сотни и только что прибывшую в крепость батарею 28-го мортирного дивизиона. Этот слабый отряд составлял на тот момент значительную часть сил, находившихся в Гродненской крепости, и ее комендант генерал от инфантерии М. Н. Кайгородов заявил командующему армией протест против такого ослабления своей обороны²¹⁰.

Предложение А. П. фон Будберга было действительно рискованным. Постоянный гарнизон крепости при обводе укреплений в 64 версты состоял из шести батальонов ополченцев и восьми запасных рот²¹¹. Эти слабые по численности и качеству части были рассредоточены по фортам, на полевые укрепления войск не хватило. Возможности быстро подтянуть к Гродно более 2–3 батальонов также не было, поскольку все более или менее значительные русские силы находились на расстоянии 3–4 переходов от крепости²¹². При этом командующий 10-й армией только 16 февраля обратился к штабу фронта с настоятельной просьбой о немедленном направлении в Гродно хотя бы части 15-го армейского корпуса, находящегося в движении по железной дороге²¹³. На этот раз проволочек не было. Между тем 1 (14) февраля противник находился в 30 верстах от Сопоткинских позиций, а 20-й корпус еще собирался в Сувалках, в 58 верстах от них. Протест М. Н. Кайгородова получил развитие.

«Генерал Сиверс, – вспоминал А. П. фон Будберг, – сразу же отказался от уже принятого решения; напрасен был мой отчаянный доклад о необходимости во что бы то ни стало и хоть чем-нибудь занять Сопоткин, ибо при движении туда XX корпуса и в случае предупреждения нас там немцами – что я считал неизбежным и нами неустрашимым – на долю XX корпуса выпадало штурмовать русские передовые позиции кр. Гродно, занятые неприятелем и, как на грех, сильные естественно и хорошо укрепленные. Напрасны были и мои заявления, что, если гарнизон крепости был недостаточен (что было совершенно верно), то взятие из него 3 дружин ополчения не меняло обстановки, занятие же Сопоткинского узла являлось в данное время вопросом первостепенной важности, ради которого надо было всем пожертвовать»²¹⁴. 3 (16) февраля А. П. фон Будберг, убедившись, что не в состоянии изменить ситуацию и что кризис

уже неизбежен, подал прошение об отстранении его от должности начальника штаба армии. Ф. В. Сиверс, высказав свое сожаление, согласился расстаться с неудобным подчиненным²¹⁵.

После занятия немцами Сейн и Августова жизненно важной для 20-го корпуса задачей стал выход на Сопецкинские позиции и прочное их занятие до того, как это сделает противник. Выступив в ночь на 3 (16) февраля, П. И. Булгаков потерял и весь день 4 (17) февраля, приводя в порядок пострадавший во время наступления авангард и подтягивая обозы. Время, которое давало еще какой-то шанс на прорыв, было окончательно потеряно. Морозы сменила теплая погода: лед на болотах и реках начал таять, разбитые глинистые дороги в лесах стали еще более трудными для движения²¹⁶. Настроение в штабе корпуса после прошедших 16 февраля успешных боев было приподнятым, там считали, что немцы готовили окружение у Августова и теперь войскам предстоит «гладкая дорога до Сопецкина»²¹⁷. В результате П. И. Булгаков приказал остаткам своего корпуса двигаться по единственной дороге на Гродно²¹⁸. Остальные две, по информации штаба, или не имели мостов, или были плотно забиты тающим снегом, что не давало возможность провести обозы²¹⁹.

Ни Ставка, ни штаб фронта в это время не имели точной информации о положении дел на фронте 10-й армии, к 5 (18) февраля в течение трех дней не было известий от 20, 26 и 3-го корпусов, штаб Северо-Западного фронта получал самые смутные сведения о «выходе к Гродно батальонов разных корпусов»²²⁰. Это не помешало Верховному командованию обсуждать планы, не имеющие к судьбе 20-го корпуса никакого отношения. 4 (17) февраля великий князь Николай Николаевич собрал в Седлеце совещание, участие в котором приняли главнокомандующие и начальники штабов Юго-Западного и Северо-Западного фронтов. Н. В. Рузский выступил с планом перегруппировки войск в связи с кризисом в 10-й армии, предлагая отойти с занимаемых в Восточной Пруссии и у Варшавы позиций с целью сокращения линии обороны и из 18 имеющихся на его фронте корпусов (без учета армии Ф. В. Сиверса) оставить пять на левом берегу Вислы, а остальные сосредоточить на правом берегу, при этом все перевозки предполагалось закончить к 3 марта. Против этого энергично выступили Н. И. Иванов и М. В. Алексеев, считавшие, что отход с позиций у Варшавы усложнит положение правофланговых армий их фронта. В результате было принято паллиативное решение: утвердить предложения Н. В. Рузского относительно перегруппировки, но сохранить при этом занимаемые на левом берегу Вислы позиции. От планируемого, но так и не начатого наступления 12-й армии было решено отказаться²²¹.

5 (18) февраля опубликованный официальный обзор положения дел на Северо-Западном фронте был еще безоблачно спокоен в оценках наступления немцев на участке 10-й армии: «Об этой операции еще нельзя ничего сказать – является ли она главной или побочной с целью оттянуть наши силы с Бзуры. Можно только отметить, что германский Генеральный штаб объявил об отъезде императора Вильгельма в Восточную Пруссию (это скорее похоже на демонстрацию). Наступающие немцы пытаются охватить наши войска с обоих флангов – это новейшая тактика, примененная ф.-д. – Гольцем на маневрах в северном Бранденбурге. Она хороша, если противник остается пассивным и не предпринимает энергичного прорыва неприятельского расположения»²²². Прозрение после настроений января 1915 г. приходило с опозданием. По словам участвовавшего в совещании в Седлеце Н. Н. Янушкевича, там был выяснен «весь ужас катастрофы с 10 армией»²²³.

Складывается впечатление, что командование было склонно винить за это прежде всего второочередные части. Внезапно выяснилось, что на них невозможно положиться, что они плохи по духу и составу и не имеют никакой стойкости²²⁴. «Потери громадные, – писал 5 (18) февраля В. А. Сухомлинову начальник штаба Ставки, – резервисты прямо шли «продавать винтовки за 7 р.»²²⁵. Между тем уже вечером 2 (15) февраля передовые части 31-й германской

дивизии, переброшенные на подводах, заняли Сопецкин, захватив там обозы 26-го армейского корпуса. Немногочисленный конвой не мог сдержать немецкую пехоту и быстро ретировался. На следующий день местечко было уже прочно занято, а 4 (17) февраля противник начал занимать Сопецкинские позиции. Ставка и штаб Н. В. Рузского не знали и этого, а положение в этом районе вообще не обсуждалось в Седлеце²²⁶.

4 (17) февраля немцы даже провели атаку на передовые форты Гродненской крепости, но она была отбита. Противник вынужден был отойти, его попытка не принесла результата²²⁷. 16 февраля в Гродно прибыла головная дивизия 15-го корпуса, так что опасное для крепости положение было ликвидировано²²⁸. Появление здесь тяжелой артиллерии и энергия немецкой атаки заставили командование 10-й армии сосредоточиться прежде всего на обороне. Прибывающие части 15-го корпуса занимали позиции на фортах крепости²²⁹. Поскольку корпус был составлен из новобранцев, на него смотрели как на второочередную часть и особенно не рассчитывали использовать в наступлении²³⁰. 5 (18) февраля вся 31-я дивизия прошла через Сопецкин, и ее авангарды заняли позиции севернее русских укреплений. Теперь уже выходы из всех дорог, ведущих из Августовских лесов к Гродно, были перекрыты противником²³¹.

А 20-й корпус по-прежнему шел на Сопецкин обычным маршем. Помня приказ Н. В. Рузского о сохранении обозов, П. И. Булгаков поставил их впереди. На узкой лесной дороге возникали бесконечные пробки²³², но впереди войска ждала еще одна преграда. «Перед нами, – вспоминал один из офицеров, – сверкнула узкая водная лента. Это – Августовский канал, соединяющий Неман с Вислой. Подтягиваемся к переправе через Августовский канал. Постоянный мост разобран и уничтожен, на его месте зияет пустой пролет. Остались по сторонам только въездные арки с красивыми белыми колоннами. Рядом наши саперы только что закончили временный. По нему безостановочно проходят колонны нашего корпуса»²³³.

Это был единственный мост. Ускорить движение, например навести еще одну переправу через канал, не представлялось возможным, так как большая часть оставшихся в строю войск, включая саперов, прикрывала транспортные колонны. Предпочитая действовать бригадами, а не дивизиями, командир корпуса и его штаб стали управлять напрямую бригадными командами, перемешивали части, создавая в результате импровизированные отряды и все больший беспорядок. Дивизионные командиры и их штабы были фактически устранены от управления своими подчиненными²³⁴. Вечером 4 (17) февраля штаб корпуса узнал о занятии противником Сопецкинских позиций. Корпус был растянут в колонну на 25 верст, а авангард П. И. Булгакова отделяло от немцев 10 верст. Для сосредоточения и последующей атаки при самых благоприятных условиях требовалось не менее одного дня, но колонну преследовали немцы.

Утром 5 (18) февраля корпус продолжил движение²³⁵. По приказу П. И. Булгакова оно должно было осуществляться без остановок, что уже являлось неосуществимым. Управление было разрушено самим командиром корпуса, превратившим его в смешанные отряды, кроме того, сказывалась усталость от тяжелейших условий марша. Младшие начальники вынуждены были делать остановки, соображаясь с положением дел и состоянием своих подчиненных. Несмотря на запрещение разводить огонь, каждая остановка корпуса выдавала себя дымом многочисленных костров – люди использовали каждую возможность для того, чтобы согреться. «Официально костры запрещались, – вспоминал офицер штаба 53-й дивизии, – неофициально не хватало человеческих сил запрещать людям пригреться хотя на несколько минут»²³⁶.

«Эти привалы, – отметил в своем дневнике генерал И. А. Хольмсен, – были необходимы еще и для того, чтобы дать людям возможность напиться воды, которая получалась лишь путем разведения огня для согревания снега в манерках. Лошади жадно ели снег и глотали кору на деревьях и хвою с веток. Голодными шли и люди, из коих многие со времени 10 февраля всего один раз получили горячую пищу. Они шли в постоянно мокром платье и обуви, усталые до

упаду, уже девятые сутки на ногах, ночь за ночью, день за днем, в снежные бури и в зимнюю стужу, без крова по ночам или во время остановок, т. е. без возможности отогреться в тех немногих убогих деревушках, которые попадались по пути и в которых решительно все было съедено при предыдущих, до нашей операции, прохождениях войск. Жители, почти все без исключения, пооставляли свои дома и ушли в лес, где прятали свои оставшиеся скудные припасы. Надо признаться, в обозах было мало порядка, и организации всего движения не чувствовалось. Все перемешалось, чего, вероятно, не произошло бы, если бы дивизии не были дезорганизованы крайне неудачными распоряжениями комкора»²³⁷.

Операция по выходу из окружения 18–20 февраля свелась к движению по единственной дороге и последовательному проламыванию бреши в направлении на Сопецкин²³⁸. Корпус в это время слабо управлялся: приказы его командира передавались только устно и часто не доходили до младших командиров, что сказывалось уже не только на организации движения, но и боя, распадавшегося на отдельные поединки русских отрядов с немцами²³⁹. Вся масса русских войск сохраняла еще дисциплину и полностью подчинялась приказам командиров, признаков паники не было. Солдаты и офицеры в боях проявляли стойкость и продолжали храбро сражаться²⁴⁰.

За 10 дней отступления в тяжелейших условиях, практически не получая пищи, люди дошли до пределов истощения и теперь вынуждены были снова и снова идти в атаки. Положение усложнялось еще и тем, что уже к 6 (19) февраля запас патронов и снарядов в корпусе подходил к концу, а потери довели состав многих рот до 40 человек²⁴¹. К 19 февраля в 27-й пехотной дивизии в строю было не более 1 тыс. человек, от 116-го полка остался знаменный взвод, в 113-м и 114-м полках – около 600 человек, в 209-м полку – около 400 человек, их командиры получили смертельные ранения²⁴².

Большая часть корпуса все еще шла по единственному шоссе, превратившемся в ловушку. 7 (20) февраля его передовые части вышли на опушку леса близ деревни Марковцы, за которой начиналось поле шириной до 2 км. От Гродно их отделяли 15–20 км и так и не занятые нашими войсками укрепления на Сопецкинских высотах. В результате в роли обороняющихся в русских окопах оказались немцы, в тылу у которых находились передовые форты крепости Гродно²⁴³. 7 (20) февраля выходившие из Августовского леса русские колонны сделали первую попытку прорыва. Они разворачивались под сильным обстрелом артиллерии, а при наступлении подвергались сосредоточенному пулеметному и винтовочному огню из окопов²⁴⁴. Всем стало ясно, что выход к Гродно все же не состоялся. «Полное окружение, – вспоминал участник этого боя. – Наше настроение совсем упало»²⁴⁵.

Русская пехота атаковала практически без поддержки артиллерии. Развернуть и сосредоточить собственные батареи в лесу 20-му корпусу не удалось. Участник боя отмечал: «...немецкие орудия уничтожали наши батареи, как только те осмеливались выехать на какую-либо лужайку. Это была потрясающая картина: передки не успевали отъехать, как немцы, отлично все видевшие с Сопецкинских высот, в несколько минут превращали в месиво и людей, и лошадей»²⁴⁶. Противник ясно наблюдал опустошающее действие огня своих легких и тяжелых орудий, направленного на поляну, где собирались русские части²⁴⁷. Отсутствие единого командования стало причиной того, что огонь сумевшей выйти на позиции артиллерии к тому же не был централизован. В результате при атаках войска понесли значительные потери и отошли назад в лес²⁴⁸.

В атакующих полках авангарда в строю оставалось по 100–500 штыков, в батареях практически закончились снаряды, запас патронов был на исходе, медикаменты практически отсутствовали²⁴⁹. Бой и стрельба прекратились к полуночи, но кольцо окружения продолжало смы-

катся²⁵⁰. Огромное количество раненых было расположено в лесу, никакой помощи им не оказывалось, поскольку даже для самой простой перевязки не было уже средств. Безысходность положения стала очевидной, в ряде полков начали зарывать в землю знамена и денежные ящики²⁵¹. В последний момент П. И. Булгаков, не имевший возможность оказать помощь раненым, отпустил немецких пленных, нуждавшихся в медицинской помощи, с просьбой предоставить такую же возможность и русским. Ответа не последовало²⁵².

На собранном вечером 7 (20) февраля совещании оставшихся в строю старших офицеров П. И. Булгаков не решился принять предложение командира 29-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта А. Н. Розеншильда фон Паулина прорываться ночью, бросив обозы и артиллерию²⁵³. Практически то же предложение было сделано и генералом И. А. Хольмсенем и также отвергнуто командиром корпуса²⁵⁴. Еще накануне вечером его офицеры нашли литовца-проводника, который за награду (тут же было собрано более 100 рублей) согласился вывести русскую пехоту²⁵⁵. Из окружения таким образом прорвались остатки двух полков – около 1500 человек²⁵⁶. Командир 1-й бригады 29-й пехотной дивизии генерал-майор Е. А. Российский, бросив коней и обоз, не стал двигаться по дороге и 8 (21) февраля вывел своих подчиненных через лес и болота к Гродно²⁵⁷. При подходе к Гродно их приняли за атакующих немцев и начали обстреливать, но, к счастью, недоразумение быстро прояснилось²⁵⁸. Однако инициатива Е. А. Российского была нетипичной.

Потеряв связь с Ф. В. Сиверсом, командир корпуса по-прежнему последовательно старался выполнить одно из последних распоряжений командующего армией – спасти парки и обозы, в которых уже не было ни боеприпасов, ни продовольствия²⁵⁹. В семь часов вечера 7 (20) февраля по результатам совещания П. И. Булгаковым был издан последний приказ по корпусу: в полночь с 7 на 8 (с 20 на 21) февраля занять исходные позиции для прорыва на Гродно – за главными силами должны были двигаться артиллерия, парки, патронные двуколки, лазаретные линейки и походные кухни, только остальные повозки разрешалось бросить в лесу. Составление приказа и копирование его начальниками штабов дивизий закончилось уже в сумерки²⁶⁰. Окруженные части получили этот приказ в два часа ночи 8 (21) февраля. К этому времени корпус находился уже в тесном окружении, его арьергард был отрезан от основных сил²⁶¹. Войскам было приказано при движении соблюдать полную тишину, при встрече с противником атаковать молча, без криков «ура», без выстрелов, командиры должны были попытаться довести бой до штыкового удара – сказывался недостаток боеприпасов²⁶².

Для прикрытия был сформирован арьергард под командованием полковника В. Н. фон Дрейера. Ему пришлось начать формировать его практически самостоятельно, собирая отдельные роты и группы солдат. К вечеру удалось собрать 16 рот слабого состава, принадлежавших самым разным полкам корпуса. Арьергарду, кроме того, были приданы 53-я артиллерийская бригада и 20-й мортирный дивизион²⁶³. Боеспособность сохраняли преимущественно прикрывающие и атакующие части, которые вели бой, постепенно перетекавший в их уничтожение. Пехота шла в штыковые атаки и буквально выкашивалась пулеметами. Артиллерия при попытке выехать на открытые позиции для поддержки этих атак сразу же попадала под прицельный огонь немецких батарей²⁶⁴. Центральные колонны постепенно перемешивались с обозами, парками, артиллерией, пленными, теряли организацию и таким образом превращались в слабо контролируемые толпы²⁶⁵.

Гродненское направление германское командование считало потенциально опасным, поскольку немецкие войска фактически стояли тылом к русской крепости²⁶⁶. Не без оснований противник ожидал, что Ф. В. Сиверс попытается помочь отсюда окруженным. Здесь были сосредоточены ланд-верная дивизия, резервная бригада, а затем, по мере того как бои уходили

в глубь леса, еще одна пехотная дивизия²⁶⁷. Германское командование вполне осознавало, в каком тяжелом положении окажутся его солдаты в случае, если прорыв окруженных совпадет с вылазкой из Гродно, однако оно решило пойти на риск²⁶⁸. То, чего так опасался штаб П. фон Гинденбурга, так и не произошло. Штаб 10-й армии, поняв, наконец, размеры происходящего, стал перебрасывать 2-й корпус под Гродно в помощь 15-му. К 8 (21) февраля 2-й армейский корпус должен был пешим путем подойти от Белостока, а 15-й – занять позиции на фортах крепости²⁶⁹. Корпуса по-прежнему считались находящимися в резерве Ставки и использовать их вне линии обороны Гродно без санкции Верховного главнокомандующего Ф. В. Сиверс не решился, во всяком случае вовремя²⁷⁰.

Кольцо окружения вокруг отступавших русских войск сжималось. «Наше расположение на правом берегу р. Волкуша у фольв[арка] Млынек, – вспоминал генерал И. А. Хольмсен, – привлекало на себя сосредоточенный огонь 6 тяжелых и 5 легких гаубичных германских батарей с Голынки и Старожнице. Они стреляли, очевидно, по карте, ибо у самого Млынека стало почти невыносимо. К счастью, мы успели до утра перевести артиллерию. У самого фольварка на левом берегу пострадали, главным образом, там оказавшиеся парки и обозы. Но по мере подхода немцы корректировали свой огонь, и наши батареи и пехота начали сильно страдать от огня тяжелой артиллерии, который сосредоточился на площади примерно в квадратную версту нашего расположения. Пехота начала отходить, неся громадные потери, и вскоре она была низведена лишь до слабого прикрытия наших батарей. Общего управления не было. Войска были до такой степени перемешаны, что старшие начальники мало смогли влиять на ход событий в лесу. Патроны были совсем на исходе, как в пехоте, так и в артиллерии. Лесные дороги до того были забиты повозками разного рода, что привозить патроны из парковых повозок стало невозможным. По мере прекращения огня панорамы и замки, а где можно было, и сами орудия бросались в реку. Лошади расстреливались из револьверов, чтобы не увеличить добычи врага. Агония обороны шла медленно, но верно»²⁷¹.

В результате кровопролитных боев основная колонна отступавших после неоднократных попыток прорваться под огнем противника понесла потери до 7 тыс. человек убитыми²⁷². В 10 часов утра 8 (21) февраля 1915 г. остатки основной колонны были вынуждены сложить оружие. В плен попал командир корпуса генерал П. И. Булгаков вместе со своим штабом²⁷³. Отдав пленным офицерам корпуса честь, командовавший немецкими войсками генерал сказал: «Все возможное в человеческих руках вы, господа, сделали: ведь, несмотря на то что вы были окружены (руками он показал полный охват), вы все-таки ринулись в атаку, навстречу смерти! Преклоняюсь, господа русские, перед вашим мужеством!»²⁷⁴.

Вечером 7 (20) февраля в штаб 10-й армии явился раненый боец с известием от командира 20-го корпуса²⁷⁵. Это был 13-летний Михаил Власов, сирота, принятый на службу в 212-й Романовский полк добровольцем. Переодетый в крестьянское платье, он накануне был отправлен П. И. Булгаковым с просьбой об оказании помощи при прорыве из окружения²⁷⁶. Для штаба армии известие о том, что окруженные находятся в непосредственной близости от Гродно, было совершенно неожиданным, и мальчику поначалу не поверили. В штабе Ф. В. Сиверса 20-й корпус считали уже погибшим, так как со 2 (15) февраля не имели с ним связи и уже несколько дней – никакой информации о нем. Густой туман, стоявший в это время, не позволил нескольким русским самолетам подняться в воздух²⁷⁷.

В Ставке уже с 6 (19) февраля корпус также считался погибшим²⁷⁸. 7 (20) февраля Н. Н. Янушкевич сообщал В. А. Сухомлинову: «XX к., очевидно, погиб, хотя и в бою. III Сиб. вышел цел по единицам, но сильно потрепанный. XXVI – хуже. От XX – кое-что из обозов и артиллерии»²⁷⁹. После расспросов в штабе армии убедились в правдивости слов посланника

командира корпуса и решили попытаться помочь окруженным. Связи с ними по-прежнему не было, и поэтому скоординировать удар не удалось²⁸⁰. Имевшийся в Гродно 2-й армейский корпус был уже практически полностью разбросан по фортам, из его состава смогли выделить только несколько полков. Из состава прибывающего 15-го армейского корпуса было выделено три полка с 36 орудиями, которые должны были наступать по Сопотчинской дороге²⁸¹.

В крепость уже подходили части 26-й пехотной дивизии, переброшенной сюда через Варшаву из-под Бзуры²⁸². Фактически это была попытка перейти в наступление из Гродно силами 15-го армейского корпуса до прихода его основной части. Пехота была плохо подготовлена к действиям, ее командиры слабо ориентировались на незнакомой местности²⁸³. За три месяца усиленной подготовки восстановленные после поражения в Восточной Пруссии части были неплохо обучены по стандартам мирного времени, но этого было явно недостаточно. Не только солдатский состав, но и практически полностью офицерский не имел боевого опыта²⁸⁴. Теперь это не замедлило сказаться. Наступавшие шли в плотных рядах, стреляя стоя, атака не была подготовлена артиллерией²⁸⁵. Немцы подпускали атакующих на 200 шагов, после чего открывали интенсивный ружейно-пулеметный и пушечный огонь. Атаки легко отражались с большими потерями для наступавших²⁸⁶, тем более что существенной артиллерийской поддержки они так и не получили²⁸⁷. Немцы насчитали около 8 тыс. убитых у своих окопов²⁸⁸.

Это была героическая, но явно бессмысленная трата сил, а организовать наступление удалось только в 10 часов утра 8 (21) февраля, когда с основными силами 20-го корпуса было уже покончено²⁸⁹. В два часа дня погиб остаток корпуса – его арьергард. Поскольку занимаемые им позиции с утра расстреливались со всех сторон, В. Н. фон Дрейер отпустил пленных немцев и возглавил сопротивление оставшихся в строю. Погибли почти все, но несколько человек во главе с командиром арьергарда прорвались через линии противника и через две с половиной недели вышли через леса к позициям 2-го корпуса²⁹⁰. Поражение попытались скрыть, во всяком случае его реальные размеры. 8 (21) февраля «Русский инвалид» опроверг немецкую информацию от 13 февраля о пленении в Восточной Пруссии 26 тыс. русских солдат и офицеров. Она была прокомментирована следующим образом: «Беззастенчивость германцев удивительна»²⁹¹.

Тем не менее уже 9 (22) февраля сообщение Ставки признало факт окружения части 10-й армии. По опубликованной версии, неудачные попытки противника прорваться на левом берегу Вислы привели к тому, что немцы использовали свое преимущество в железных дорогах, чтобы перебросить превосходные силы в Восточную Пруссию. В результате русское командование приняло решение отвести 10-ю армию к пограничной полосе и далее к Бобру и Неману: «При обозначенном движении правое крыло десятой армии, теснимое весьма большими силами и угрожаемое обходом с правого фланга, принуждено было к весьма спешному отходу в направлении на Ковну. Своим быстрым движением оно обнажило фланг следующего корпуса, который этим был поставлен в исключительно тяжелое положение, выйти из которого удалось лишь отдельным его частям. Остальные корпуса десятой армии, ведя непрерывные упорные бои, медленно отходили по назначенным им направлениям, доблестно отбиваясь от наступавшего противника, нанося ему жестокие потери и преодолевая те неимоверные трудности, которые создал глубокий снег, занесший все дороги»²⁹².

Еще через день, 11 (24) февраля, Ставка официально признала окружение корпуса П. И. Булгакова в составе 29-й пехотной и трех второочередных дивизий при отступлении через Августовские леса. Масштабы поражения легко угадывались. «По показаниям пленных, – гласило сообщение штаба главковерха, – он (то есть 20-й корпус. – А. О.) нанес сильные потери германским отрядам, пытавшимся преградить ему дорогу, в особенности в озерно-лесистых дефилах у Гибны. Отдельные пробившиеся из состава корпуса люди ныне сообщили, что кор-

пус дрался до последнего патрона и полного истощения сил, доблестно отбиваясь на четыре фронта, сохраняя свою артиллерию и ведя с собой большое количество пленных германцев»²⁹³. Передовица «Биржевых ведомостей» под заголовком «Бой 20-го корпуса» в тот же вечер предложила версию о том, что под Гродно был сорван обходной маневр П. фон Гинденбурга, нацеленный в глубокий тыл русского фронта, и заслуга в этом принадлежит погибшему корпусу: «Конечно, этот бой является частным эпизодом, но несомненно, что своей упорной борьбой 20-й корпус остановил поток германцев мимо Немана в обход этой оборонительной линии»²⁹⁴.

12 (25) февраля «Новое время» в статье «Бой 20-го корпуса» попыталось убедить читателя, что еще рано говорить о сдаче соединения в плен и можно ожидать прорыва из окружения хотя бы его части²⁹⁵. Еще менее ясным был официальный обзор положения на фронте, опубликованный в мартовском номере «Военного сборника»: «Части нашей 10-й армии стали отходить назад на флангах под давлением превосходных сил противника, но в центре у Лыка оказали упорное сопротивление, нанеся противнику значительные потери. Но ввиду того, что германцы на южном направлении стали направляться на Граево, а на северном – на юго-восток по направлению Вильковишки – Сувалки, наш центр – XX корпус генерала Булгакова начал отходить, геройски задерживая натиск противника, особенно в районе Августовских лесов, где 29-я дивизия в течение нескольких дней отбивала ожесточенные атаки противника, неся тяжелые потери»²⁹⁶.

«Немногие русские офицеры знают о действительных потерях 10-й армии, – сообщал 1 марта 1915 г. в Лондон подполковник А. Нокс, – а те, которые знают, не будут говорить. Разбирая части с севера на юг в деталях: 73-я дивизия «сильно пострадала», 27-я дивизия исчезла. Из остальных дивизий XX корпуса следующие полки были уничтожены в Августовских лесах: 29-я дивизия – 2 полка, 53-я – 3, 28-я – 1 полк. Заявлено, что «все части вышли из Августовских лесов со значительно сокращенной силой, особенно 84-я дивизия». Я боюсь, что пока мы не услышим другую сторону, мы должны прийти к выводу, что 73-я и 57-я дивизии потеряли значительную часть своего обоза и орудий, и что 27-я, 29-я и 53-я дивизии, возможно, потеряли все. Возможно, 10-я армия потеряла 150 орудий. Количество убитых, раненых и пропавших без вести, винтовки которых также потеряны, не может быть менее 80 000»²⁹⁷.

О характере боев можно было судить по случайной информации, просочившейся в прессу. Так, 17 (30) марта 1915 г. «Утро России» опубликовало статью Ст. Штейнера «Гибель 20-го русского корпуса», напечатанную незадолго до этого в берлинской *Lokal Anzeiger*. Она содержала довольно точное описание того, что случилось под Сопоткином: «Ставка в несколько тысяч человек была побита в этой игре. Часть 20-го корпуса была спасена, но это стоило 7 тыс. чел., которые легли на пространстве 2-х квадратных верст. Все эти попытки прорыва являлись чистым безумием и в то же время геройским подвигом, который показывает нам русского солдата в том же освещении, каким он являлся при Скобелеве и в эпоху покорения Кавказа и штурма Варшавы. Из этого видно, что русский солдат может сражаться и даже хорошо держаться. Он выдерживает потери и держится еще тогда, когда смерть является для него неизбежной»²⁹⁸. Немцы заявили, что в ходе наступательной операции ими были захвачены 90 тыс. пленных (позже эта цифра была увеличена до 110 тыс., хотя в реальности составила 56 тыс.), около 300 орудий, несколько сотен пулеметов, три санитарных поезда, значительное количество военного имущества, обозов и продовольствия²⁹⁹.

Вновь германское командование оказалось в состоянии перехватить стратегическую инициативу и нанести ряд дробящих ударов по русской

10-й армии. Окружить и уничтожить ее полностью, как планировал П. фон Гинденбург, не удалось, и он решил компенсировать это за счет русской 12-й армии³⁰⁰. 17 февраля, раз-

вивая свой успех в Восточной Пруссии, немцы начали очередное наступление, теперь уже на фронте русских 12-й и 1-й армий, имея в виду получить в результате прочное удержание линии Влоцлавск – Млава – Прасныш – Осовец³⁰¹. Одной из главных целей противника был Прасныш, являвшийся пересечением важных шоссе и дорог и уже несколько раз переходивший из рук в руки³⁰².

Русское командование после того, что случилось с 10-й армией, считало это направление потенциально опасным и собирало силы для прикрытия тылов Варшавы и Северо-Западного фронта. Однако к началу наступления здесь находились лишь 1-й Туркестанский армейский корпус и 63-я пехотная дивизия из состава 27-го армейского корпуса. Эти соединения имели значительный некомплект и уже испытывали сложности со снабжением боеприпасами, прежде всего со снарядами. Для того чтобы поддержать их, сюда были направлены 1-й и 2-й Сибирские армейские корпуса³⁰³. 23 февраля два германских корпуса окружили и атаковали Прасныш, в гарнизон которого входила ослабленная 63-я пехотная дивизия³⁰⁴. Утром 11 (24) февраля город был взят противником³⁰⁵, захватившим около 10 тыс. пленных, 36 орудий и 14 пулеметов³⁰⁶.

Одновременно немцы попытались овладеть Осовцом. Бои под крепостью начались еще 18 февраля, к ней под прикрытием крепостной артиллерии по гатям над незамерзающими болотами отошла часть разбитых в Августовских лесах русских войск³⁰⁷. Русская оборона по реке Нарев и ее притоку Бобру опиралась на цепь укреплений от Новогеоргиевска, у впадения Нарева в Вислу до Гродно, на Немане, недалеко от истоков Бобра: Сероцк, Пултуск, Розан, Остроленка, Ломжа, Осовец. Взятие последнего пункта не только пробило бы брешь в этой линии, но и могло поставить под угрозу один из двух основных железнодорожных путей, по которым шло снабжение Варшавы (Вильна – Гродно – Варшава), проходившем в каких-то 70 км от Осовца. Именно поэтому сюда германское командование перебросило тяжелую артиллерию, которая принимала участие во взятии Льежа, Намюра, Мобежа, Антверпена. Эти подразделения имели не только

11- и 12-дюймовые мортиры, но и 420-мм гаубицы.

Осадный парк был действительно внушительным: 17 батарей – 68 тяжелых орудий, из них одна батарея 420-мм гаубиц (дальность полета снаряда – 14 км, его вес – 106 кг), по четыре батареи 305-мм (дальность полета снаряда – 12 км, его вес – 37 кг) и 210-мм гаубиц (дальность полета снаряда – 11 км, его вес – 21 кг), пять батарей 150-мм гаубиц, три батареи 107-мм орудий. Кроме того, задействована была корпусная тяжелая и полевая артиллерия. В крепости находились 72 тяжелых орудия, в основном образца 1877 г., уступавшие германским аналогам в мощности (от 2,05 до 5,3 кг) и дальностью (от 8,3 до 9,6 км). Таким образом, немцы имели возможность безнаказанно обстреливать Осовец тяжелыми орудиями, находившимися вне пределов досягаемости русских пушек. Но ситуация изменилась, когда за два дня до начала осады в крепость из Кронштадта прибыли две морские 6-дюймовые пушки системы Канэ, дальностью которых – 13,2 км позволила вести контрбатарейную борьбу. 25 февраля германцы начали обстреливать маленькую русскую крепость, состоявшую из четырех фортов с фронтом обороны 3 на 4 км³⁰⁸.

С 27 февраля немецкий огонь стал ураганным, ослабевать он начал только с 3 марта. Обстрелы чередовались с ударами авиации: на крепость сбрасывали бомбы и металлические стрелы. «Ужасное было впечатление при взгляде на крепость с высот южнее ее во время бомбардировки, – вспоминал один из офицеров гарнизона Осовца, – она вся была охвачена дымом, сквозь который то здесь, то там вспыхивало пламя разрывов, поднимавших высоко вверх фонтаны земли, деревья, бревна, а местами – воды, причем вся земля содрогалась, и от крепости шел сплошной гул, по временам прерываемый грохотом разрывов 12- и 16,5-дюймовых ору-

дий, почему и казалось, что ничто не в состоянии устоять интенсивности и разрушительности бомбардировки»³⁰⁹. Было выпущено около 200 тыс. снарядов, на территории крепости насчитали около 30 тыс. воронок.

«Внешний эффект бомбардировки был грандиозен, – вспоминал участник обороны, находившийся в верках форта, – снаряды поднимали высочайшие столбы земли и воды, образовывали огромные воронки диаметром 8-12 м; кирпичные постройки разваливались, деревянные горели, слабые бетонные давали огромные отколы в сводах и стенах; проволоочная связь была прервана, шоссе испорчено воронками, окопы и все усовершенствования на валах, как то: козырьки, пулеметные гнезда, легкие блиндажи стирались с лица земли. Над крепостью нависли тучи дыма и пыли, которые проникали в казематы и затрудняли дыхание людей. Положение еще более ухудшилось, когда начался обстрел 42-см бомбами»³¹⁰.

Против них крепостные укрепления были полностью беззащитны. По счастью, они успели сделать только 30 выстрелов и добиться восьми попаданий. Морские 6-дюймовые пушки 28 февраля несколькими залпами накрыли две германские 420-мм гаубицы и склад боеприпасов к ним. Перед войной Осовец использовался как полигон для практических стрельб офицерской артиллерийской школы. Поэтому, несмотря на немногочисленность гарнизона и проблемы с некомплектом кадров, его солдаты и офицеры были прекрасно обучены. Оставшиеся две 420-мм гаубицы немцы поспешно вывели из зоны огня и больше ими не рисковали. Этим объясняется то, что потери крепости оказались невелики: 12 тяжелых, три противотанковых орудия, одна капонирная пушка. Немцы не смогли даже вывести весьма активно действовавшую броневую батарею, хотя в ее районе было обнаружено около двух тысяч воронок³¹¹.

Взять крепость немцам не удалось. В результате Осовец в течение шести с половиной месяцев прикрывал участок в 50 км между 10-й и 12-й русскими армиями. Причиной стойкости этой обороны являлось то, что относительно слабая крепость не была предоставлена собственным силам, не обложена кольцом осады, а долговременные позиции усиливались полевыми оборонительными. Это позволило увеличить глубину реальной обороны до 15 км. Сама крепость, таким образом, превращалась в центральный опорный пункт системы обороны, некое подобие будущих укрепленных районов³¹². Речные преграды на пути возможного немецкого наступления были вполне солидны – полноводный широкий Неман и низменная долина Бобра, изобиловавшая множеством озер, болот, рукавов и стариц. С весны по осень она сплошь покрывалась водой и была почти непроходима. Считалось, что пехота может пройти здесь в нескольких участках только в засушливое лето или морозную зиму. Ополченцы Осовца сложили песню про эти места:

Там, где миру конец,
Стоит крепость Осовец,
Там страшнейшие болота,
Немцам лезть в них неохота³¹³.

Героическая оборона Осовца во многом способствовала успеху русского контрнаступления. Русские войска подходили к городу с востока, юга и юго-запада³¹⁴. К 20 февраля 1-й и 2-й Сибирские корпуса закончили переброску по железной дороге и сосредоточились в районе Сероцка и Острова. К вечеру 23 февраля они подошли к Праснышу приблизительно на 18 км. Однако ввиду того, что 1-й Сибирский корпус был подчинен командующему 1-й армией, а 2-й – командующему 12-й, их дальнейшие действия оказались несогласованными. Командующий 12-й армией генерал П. А. Плеве планировал в результате совместных действий окружить немцев и нацеливал своих подчиненных прежде всего на действия против них, в то время как командующий 1-й армией генерал от кавалерии А. И. Литвинов стремился к сохранению линии фронта. В результате до вечера 24 февраля перед 2-м Сибирским корпусом так и не

была поставлена задача по наступлению. Действовать в соответствии с полученным приказом занять Прасныш он начал только 25 февраля. В результате одновременная атака города была сорвана³¹⁵.

13–14 (26–27) февраля 1915 г. в Прасныше шли исключительно упорные бои, успех в которых несколько раз склонялся в разные стороны. К вечеру 27 февраля противник был выбит из города, понеся при этом большие потери: количество пленных на этот день составило 5400 рядовых и 58 офицеров³¹⁶. Отступление было для немцев вынужденным и внезапным, они оставили госпитали, склады, пленных, в окопах лежали незахороненные трупы. Дороги, по которым уходил противник, были забиты брошенным имуществом³¹⁷. Под городом были захвачены 12 орудий, 29 пулеметов, 122 зарядных ящика, аэроплан и обозы³¹⁸. В ряде случаев весьма удачно действовала русская кавалерия. Впрочем, успех одной из атак был довольно случайным: 15-й Украинский гусарский полк неожиданно наткнулся на колонну отходившего противника и сразу же атаковал ее, захватив 256 пленных, три легких и одно 100-мм орудие³¹⁹. В целом, трофеи при преследовании были незначительны. Полностью окружить занимавший Прасныш 1-й резервный германский корпус, как и организовать энергичное его преследование, все же не удалось³²⁰.

Тем не менее это был чуть ли единственный успех в маневренной войне на русско-германском фронте, во всяком случае единственный случай крупного окружения немецких войск, сопровождавшегося расстройством тыла и управления. На последнем этапе боев у немцев, очевидно, нарушилось правильное снабжение войск и начались перебои с обеспечением продовольствием и боеприпасами, что немедленно сказалось на их моральном состоянии и привело к росту сдавшихся в плен. «Все дороги, ведущие от Прасныша, – сообщал корреспондент «Русских ведомостей» В. Я. Брюсов, – были заполнены отрядами конвоируемых пленных»³²¹. Напряжение сил русских войск также было исключительно высоким, но достигнутые результаты в Ставке оценивались как скромные. «Обидно, – писал 15 (28 февраля) В. А. Сухомлинову Н. Н. Янушкевич, – что не удалось захватить Прасныш до сдачи наших. Расход патронов под Праснышем громадный. Но он не дал успеха»³²².

Этот скептицизм не помешал штабу главковерха заявить, что 16 (29) февраля он закончил Праснышскую операцию победой, разгромив не менее двух германских корпусов и отбросив неприятеля к границе³²³. 16 февраля (1 марта) было объявлено и общее количество пленных, взятых под Праснышем, – 10 тыс. человек³²⁴. Общие потери противника составили около 13 тыс. человек³²⁵. Эта победа в какой-то степени была компенсацией за предыдущие поражения. Угрозу германского прорыва на этом участке фронта удалось быстро ликвидировать, а 2 марта начался контрудар 1, 12 и 10-й русских армий с целью оттеснить немцев с линии рек Бобр и Нарев назад в Восточную Пруссию. Поскольку удержание этих позиций П. фон Гинденбург считал важным для подготовки своего будущего наступления в тыл русского Северо-Западного фронта, бои приняли чрезвычайно упорный характер³²⁶. Первая половина марта прошла в упорных боях, заставивших противника отступить к границе и перейти по всему фронту к обороне³²⁷.

При наступлении в Восточной Пруссии любой успех и любая неудача покупались весьма дорогой ценой. Немцы отошли на старые, хорошо подготовленные на возвышенностях позиции, укрытые за колючей проволокой. Штурмовать их опять пришлось из болотистых низин, где не было укрытий. «Наступать приходилось по местности совершенно открытой, с подъемом в сторону немецких окопов, – вспоминал участник этих боев, – земля была мерзлая, и цепи, залегая от невыносимого огня, не могли окопаться и поголовно расстреливались... Потери в эти дни были колоссальны... Бой продолжался три дня. Три дня наши части под-

нимались, расстреливались, ложились и мерзли. В полдень верхний слой земли оттаивал и превращался в грязь. Гренадеры пользовались случаем и руками сгребали оттаивавшую грязь и устраивали род закрытия. К вечеру замерзали мокрые шинели, обращаясь в грязную кору. Винтовки стрелять не могли, ибо облепившая их грязь замерзала и винтовки обращались в дубины»³²⁸. Вскоре наступило теплое время, принесшее с собой распутицу. Даже для подвоза полевых кухонь приходилось использовать дополнительных лошадей. О каких-либо активных действиях в этих условиях не могло быть и речи³²⁹.

«Это уже третье несчастье, которое испытала русская армия в Восточной Пруссии за семь месяцев войны, – писал 1 марта 1915 г. А. Нокс. – Все три взятые вместе лишили нас, пожалуй, 30 генералов, но стоили многих хороших полковых офицеров и до 250 000 чел. Они стоили нам свыше 500 орудий, а также столь необходимых винтовок, снаряжения, всех видов обозов, достаточных для того, чтобы снарядить пять армейских корпусов. Русская поговорка гласит, что если ты гонишься за двумя зайцами, то не поймашь ни одного. Русский Генеральный штаб начал кампанию с преследованием восточнопрусского зайца, но галицийский заяц с той поры стал гораздо более популярным. Русские офицеры в общем понимают, что Германия – это враг, который должен быть завоеван. Одна партия считает, что необходимым предварительным условием является систематическая оккупация Восточной Пруссии до Вислы, другая – что возможно вторжение в Силезию из Галиции и юго-западной Польши, если Восточная Пруссия будет обложена. Ни одно из этих решений не было принято, но достигнут своеобразный компромисс, возможно, вследствие влияния командиров двух «фронтов» на Верховное командование. Говорят, что Великий Князь – большой сторонник силезской идеи. Если это так – он должен был обложить Восточную Пруссию по линии Неман, Бобр и Нарев вместо того, чтобы посылать 10-ю армию вперед, в пасть германской железнодорожной системы»³³⁰.

Военные последствия поражения в Августовском лесу

Основным своим достижением зимой 1915 г. немецкое командование считало не только срыв так называемого гигантского плана великого князя (который на самом деле был плодом воображения П. фон Гинденбурга и Э. Людендорфа)¹, но и нанесение потерь невосполнимого масштаба и характера русской армии. Э. Людендорф вспоминал: «Я был доволен, что большое наступление Великого Князя потерпело крушение. Но к окончательному решению на русском фронте, к чему я так стремился мыслями и чувствами, мы приблизились лишь на один шаг. Огромных русских сил, затраченных на фронте Восточной и Западной Пруссии, впоследствии не хватало для операции в Галиции. Русские потери по сравнению с нашими были очень велики. Даже при русском богатстве людьми пополнение такой убыли с течением времени должно было встретить затруднения»².

События в Восточной Пруссии в определенной степени способствовали преодолению колебаний Ставки. 1 (14) марта Николай Николаевич (младший) отдал приказ о переходе в оборону на всем Северо-Западном фронте. На предложение Н. В. Рузского организовать наступление между Неманом и Вислой, то есть на восточно-прусском направлении, ему дали возможность сделать это самостоятельно, без дополнительных подкреплений. Зато на Юго-Западном фронте начала формироваться новая 9-я армия в составе четырех корпусов и четырех кавалерийских дивизий, которая должна была быть отправлена в Карпаты. Н. И. Иванов выделил для перехода через горы участок Кашау – Ужгород³.

С конца декабря 1914 г. войска 8-й армии генерала А. А. Брусилова уже вели бои в Карпатах, стремясь прорваться в Венгерскую долину. Сам командующий на первоначальном этапе боев считал, что главной целью операции его армии должно стать максимальное привлечение внимания противника к этому направлению, и, собственно, его сил явно не хватало для того, чтобы даже в случае взятия Дуклинского перевала осуществить масштабное вторжение в Венгрию. Действия А. А. Брусилова получили полную поддержку со стороны М. В. Алексева⁴. Определенные успехи в тяжелой горной войне в обстановке германо-австрийского контр-наступления, начавшегося в январе 1915 г., не могли быть развиты, так как имевшиеся резервы Ставки – Гвардейский, 15-й и 3-й Кавказский корпуса были направлены на Северо-Западный фронт.

В этой обстановке 19 марта Николай Николаевич (младший) опять изменил решение: главный удар должен был теперь наносить Юго-Западный фронт. Главковерх вновь возвратился к идее организации совместного с сербской армией наступления в направлении на Будапешт. На равнинах Венгрии русская и сербская армии должны были соединиться. Их разделяли приблизительно 400 км преимущественно Венгерской равнины и Карпатские горы⁵. Генерал Н. Н. Янушкевич поставил перед генералом Н. В. Рузским задачу перейти к обороне, а генералу Н. И. Иванову обойти через Карпаты линию Краков – Познань – Торн, двигаясь в направлении на Будапешт. Об этом он известил Ж. Жоффра и императора, причем получил абсолютную поддержку со стороны последнего. Ставка преодолела свои колебания в отношении направления главного удара и сама уже торопила командование Юго-Западного фронта⁶.

Н. И. Иванов счел необходимым разъяснить свое видение ситуации сразу после получения распоряжения Ставки. 6 (19) марта он обратился к Н. В. Рузскому: «Само по себе направление на Будапешт нельзя признать главным путем нашего наступления, оно является второстепенным, и только совокупность современных условий обстановки, ясно выраженных стремлений нашего противника, отчасти соображения политического характера заставляют придать временно этому направлению важное значение, успех коего окажет существенное влия-

яние на ход событий на всем театре войны»⁷. Подобные рассуждения станут понятными, если учесть, что теперь подкрепления должны были идти в распоряжение Н. И. Иванова, а поддерживать его должен был сосед. Еще ранее, 3 марта, Ю. Н. Данилов впервые запросил Н. В. Рузского о возможности переброски дивизии среднего состава на Юго-Западный фронт.

С действиями против Австро-Венгрии снова связывались большие надежды: «Вопрос имеет ту сторону, что может втянуть в орбиту нашу нейтральные колеблющиеся государства, особенно если будет развит тот полууспех, который мы уже имеем в Восточных Карпатах и даже на галицийском направлении. Положение там таково, что нужно дать еще толчок, чтобы австрийцы отхлынули назад. Сбор сил на этом направлении затрудняется необходимостью удерживать натиск австрийцев в районе Дуклинских перевалов, который имеет двоякую цель: освобождение Перемышля и недопуск переброски в Восточные Карпаты и Буковину»⁸. Это решение было запоздалым, полностью форсировать горную преграду не удалось, хотя здесь, на Юго-Западном фронте была одержана серьезная победа.

М. В. Алексеев ставил перед своим фронтом далеко идущие задачи. 9 (22) февраля 1915 г. он писал своему сыну: «Неудача наша в Восточной Пруссии, где похозайничали не особенно искусно и Рузский (по-видимому), и Сиверс. И это сильно отразилось на нас. Теперь нужно выколлотить то, что прет на Станиславов – Галич, забить их опять в горы... Нужно выиграть *время* (выделено М. В. Алексеевым. – А. О.), собрать силы пехоты, задержать, замедлить. Вы у Хырова (туда шла кавалерийская бригада, в которой служил Н. М. Алексеев. – А. О.) постерегите, и в случае надобности помогите тем, которые стерегут Перемышльский гарнизон, а потом – Бог приведет – нужно сбросить негодяев с гор и идти в Венгрию»⁹. Австро-венгерское командование по примеру немцев и здесь попыталось исправить свое положение упреждающим контрударом.

Страх за судьбу блокированного Перемышля подталкивал австрийцев к активности. По подсчетам от 17 декабря 1914 г., крепость могла продержаться до 15 января, причем запасы фуража в ней должны были закончиться к 1 января 1915 г. В случае, если 7 тыс. лошадей (из 14,5 тыс.) гарнизона были бы употреблены на мясо, продовольственный запас позволил бы продержаться до 18 февраля, а если было бы принято решение пустить на пищу 10,5 тыс. лошадей – до 1 марта. Разумеется, использование лошадей в пищу резко сокращало маневренные возможности гарнизона при обороне и прорыве, если таковой потребует. Между тем уже в начале января 1915 г. Ф. Конрад фон Гётцендорф распорядился, чтобы комендант Перемышля подготовил план прорыва гарнизона к середине февраля¹⁰.

Силы крепости были на исходе, и генералу Г. Кусманеку требовалось помочь. В Вене были уверены в том, что только крупный успех германских держав на Восточном фронте позволит обеспечить нейтралитет Румынии и Италии. 27 декабря 1914 г. Ф. Конрад фон Гётцендорф отправил Э. фон Фалькенгайну письмо, в котором постарался убедить своего германского коллегу в необходимости переброски немецких сил с запада на восток, так как «полный успех на Восточном театре военных действий является по-прежнему решающим для общего положения и совершенно неотложным»¹¹.

Э. фон Фалькенгайн менее всего был настроен прислушиваться к этим призывам. Главным направлением он считал Францию и категорически не соглашался с переброской отсюда на восток сколько-нибудь значительных сил. Он был убежден в бесперспективности поиска решения там, где его предлагал Ф. Конрад фон Гётцендорф, и считал, что «мы никогда не сможем окончательно сломить военную мощь России». На совещании начальников Генеральных штабов, проведенном в Берлине 1 января 1915 г., Э. фон Фалькенгайн обратил внимание Ф. Конрада фон Гётцендорфа на тот факт, что на Западном фронте противник имеет двукратное превосходство в силах, и потому новые немецкие подразделения, создание которых планиро-

валось завершить к февралю, будут переброшены во Францию¹². В помощи австрийцам было отказано, и они должны были использовать свои возможности.

5 января Ф. Конрад фон Гётцендорф добился у Франца-Иосифа согласия на переброску в Карпаты с Балкан трех дивизий¹³.

Этим, разумеется, дело не окончилось. На восток перебрасывались маршевые роты, пополнения черпались практически из любого доступного источника. В Вене напрягали все силы для того, чтобы попытаться достичь перелома в действиях против России. Для подкрепления Карпатского фронта в течение января 1915 г. более 1 тыс. поездов перевезли 5500 офицеров, 260 тыс. солдат, 39 400 лошадей¹⁴. 4 января Ф. Конрад фон Гётцендорф получил сообщение от военного атташе в Риме, что Италия готовится вступить в войну на стороне Антанты и полное завершение этой подготовки планируется на конец марта, но армия будет готова выступить уже в январе. В связи с этим начальник австро-венгерского Генерального штаба считал необходимым максимально ускорить подготовку контрудара в Карпатах и 6 января вновь обратился за помощью к немцам. Он надеялся получить от союзников хотя бы на время 4–5 дивизий. Э. фон Фалькенгайн по-прежнему не намерен был идти навстречу этим просьбам. «По мнению германской дипломатии, – гласил ответ, – Италию можно удержать только немедленным удовлетворением ее требованиям, а не вытеснением русских из Карпат в Галицию»¹⁵.

Положение австрийцев в то самое время, когда они пытались получить помощь от своего союзника, ухудшалось с каждым днем. Войска испытывали нужду практически во всем, но прежде всего сказывался недостаток в боеприпасах, значительные запасы которых были оставлены во время отступления из Галиции. Весьма тяжелым было положение и русской армии. К 8 января она приостановила свое продвижение в Карпатах на 10 дней, для того чтобы войска получили возможность отдохнуть и привести в порядок тылы. Этим же были заняты и австрийцы, ожидавшие подхода переброшенного с Балкан 19-го корпуса. Запланированное контрнаступление должно было начаться 20 января и привести к очищению от русских войск перевалов в Карпатах¹⁶.

Планы австрийского Генштаба энергично поддерживал П. фон Гинденбург. 7 января он изложил свои мысли следующим образом: «При хорошем командовании и спаянности войск можно будет отбросить русских за Сан и освободить Перемышль. Это приведет к отступлению стоящих против нас русских. Новых успехов ожидать не приходится, так как отступлением за Сан Россия проиграла бы кампанию. Дать утвердительный ответ на вопрос – выдержит ли австро-венгерская армия до конца, конечно, нельзя. Несмотря на это, предложенная операция является единственной возможностью добиться на Восточном театре военных действий с имеющимися силами быстрого успеха; во всяком случае, это тоже потребует немало времени»¹⁷.

Реализовать свои замыслы Ф. Конраду фон Гётцендорфу так и не удалось, хотя небольшую помощь от союзников он все же получил. Вновь созданная Южная армия генерала А. фон Линзингена имела в своем составе пять пехотных и две кавалерийские дивизии, из которых 2,75 немецкой пехотной и одна кавалерийская. Из 45 700 солдат и офицеров армии 19 645 были германцами¹⁸. 23 января 1915 г., закончив сосредоточение, А. фон Линзинген перешел в наступление в Карпатах, в котором также участвовала 3-я армия генерала С. Бороевича фон Бойны и армейская группа К. фон Пфляндер-Балтина. Их первой задачей стало возвращение контроля над перевалом Ужок, утраченного 1 января 1915 г., и уже 26 января, после трех дней боев, 3-я армия вернула перевал. На этом, собственно, успехи наступавших были исчерпаны, несмотря на попытки перейти в наступление всеми имевшимися здесь силами¹⁹. 25–26 января навстречу им двинулась 8-я русская армия. Вначале ее потрепанные и растянутые по фронту корпуса несли большие потери. А. А. Брусилов запаниковал и сразу же затребовал инструкций у М. В. Алексеева, но вскоре кризис был преодолен²⁰.

3-я австро-венгерская армия, начав наступление со 135 тыс. человек и получив в ходе боев 30 тыс. пополнения, к 5 февраля потеряла 89 тыс. человек. Некоторые ее соединения сократились на 90 %. Армия больше не могла наступать²¹. 17 февраля в наступление перешла 2-я армия генерала Э. фон Бем-Ермоли, которая действовала в районе Мезо – Лаборча и стремилась поставить под контроль обе стороны железной дороги Гуменное – Перемышль. Это была последняя попытка Ф. Конрада фон Гётцендорфа прийти на помощь Г Кусманеку. Франц-Иосиф требовал деблокировать осажденную крепость, и Э. фон Бем-Ермоли вынужден был принять к исполнению предложенный ему план действий, который сводился к фронтальным атакам²². В горах шли чрезвычайно тяжелые бои, в которых инициатива в Карпатах медленно стала переходить к русским войскам, а плохо снабжавшиеся австрийские части теряли сотни бойцов в день от голода и холода. Ударная группа армии Э. фон Бем-Ермоли за неделю боев сократилась с 50 до 10 тыс.

человек²³.

Общие потери австрийцев во время «зимней войны» в Карпатах составили, по официальным данным, 800 тыс. человек. Надежды на повторение германских достижений на Мазурах не осуществились. Бои в Карпатах были демонстрацией того, насколько сильно различались возможности и планы Ф. Конрада фон Гётцендорфа²⁴. Только в Буковине успех сопутствовал противнику. Группа К. фон Пфлянцер-Балтина, воспользовавшись немногочисленностью русских войск на этом участке фронта, нанесла исключительно мощный и удачный удар. 16 февраля австрийцы заняли Коломью, 17 февраля – Черновцы, 20 февраля – Станиславов²⁵. «Нашему австрийскому союзнику не удалось столь же успешно осуществить свои планы, – вспоминал М. Гофман о ситуации, сложившейся после германского зимнего наступления в Восточной Пруссии. – Попытка освободить Перемышль сразу рухнула, лишь только русские перешли в контрнаступление. Тем самым судьба Перемышля была решена»²⁶.

«Внутренний фронт» в конце 1914 – начале 1915 г. Политические последствия поражения под Августовом. Начало «дела Мясоедова»

События, происходившие на фронте, не вызывали в России мобилизующего внутреннего чувства опасности. Для ее столиц война по-прежнему была отдаленной. В Петрограде, в отличие от Парижа, не были слышны германские орудия, Москву не бомбили цеппелины, как Лондон. Угроза не была столь реальной, как во Франции и Англии, так что армия и тыл не жили единой жизнью: «Жизненные центры оставались отделенными огромными пространствами от биения боевого пульса, от крови, пожаров, от зовущего к мщению зрелища опустошения вчера еще цветущих округов, от всех потрясающих впечатлений немецкой войны на истребление»¹. Чувство опасности отсутствовало не только среди «калуцких», но и у «витий», а чувство безопасности развращало их. В не меньшей мере отрицательно безопасность действовала и на высшее военное руководство, искавшее после разгрома армии Ф. В. Сиверса козлов отпущения. Великий князь больше не хотел брать на себя ответственность за поражение в Восточной Пруссии, как это он сделал после катастрофы армии А. В. Самсонова и поражения П. К. Ренненкампа в начале войны.

М. Д. Бонч-Бруевич как генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта прекрасно понимал, что и почему случилось с 10-й армией и 20-м корпусом. Влияние этого генерала на все более слабевшего больного Н. В. Рузского было весьма велико. Среди подчиненных в штабе он имел репутацию человека упорного, упрямого и волевого². Весьма двусмысленные качества его характера, судя по всему, также остались при нем. Болезни главнокомандующего, по его мнению, часто носили «дипломатический характер», и М. Д. Бонч-Бруевич никак не мог понять, действительно ли болел Н. В. Рузский. Для всех остальных это не подлежало сомнению³, но генерал-квартирмейстер фронта понял другое, ведь его не без оснований называли «великим визирем» фронтового штаба. Между тем идея наступления 10-й и 12-й армий фактически принадлежала ему, и он отнюдь не собирался теперь нести за нее ответственность, тем более что следствием по делу гибели 20-го корпуса формально руководил все тот же Н. В. Рузский⁴.

В сложившейся обстановке это означало, что реально возглавлял и направлял следствие именно М. Д. Бонч-Бруевич. Никогда не страдая, по его позднейшему признанию, шпиономанией, он сразу же после вступления в должность уяснил, что необходимо активно бороться со шпионами. Теперь наступало время для проявления этих убеждений⁵. Поражение 10-й армии взволновало общество: практически сразу же в тылу поползли самые разнообразные слухи, в том числе и о вездесущих шпионах. Немецкие фамилии Ф. В. Сиверса и А. П. фон Будберга также сразу вызвали у многих подозрение. «Общественное мнение требовало наказания «шпионов», – вспоминал старший адъютант штаба Ковенской крепости подполковник Б. И. Бучинский, – и если их не могли найти, то надо было выдумать»⁶. Обществу, ожидавшему в августе 1914 г. победоносного окончания войны до Рождества, необходимо было дать объяснения.

«Они были найдены в деятельности предателей, – вспоминал военный прокурор полковник Р. Р. фон Раупах, который вел дело С. Н. Мясоедова, – и процессы об измене волной стали разливаться из Ставки после каждой крупной военной неудачи... Искусственно создавалось общее убеждение, что высший командный состав с Великим Князем Николаем Николаевичем и его начальником штаба генералом Янушкевичем во главе не могли быть ответственными за неудачи, когда их окружали измена и предательство»⁷. 7 (20) февраля 1915 г. под суд был

отдан генерал Н. А. Епанчин⁸, но он удивительно быстро и энергично начал доказывать, что, выполняя приказы командования, сделал все, что возможно было сделать. Назначенный следователем генерал от инфантерии Л.-О. О. Сирелиус провел расследование, подтвердившее правоту слов обвиняемого⁹.

Затем в поражении был обвинен исполнительный Ф. В. Сиверс¹⁰. 27 февраля он был смещен с поста командующего 10-й армией¹¹. Фактически ему вменялось в вину то, что он не взял на себя риск нарушить приказ штаба фронта. В высшей степени показательно, что следствие обошло своим вниманием А. П. фон Будберга – его даже не привлекли к даче показаний¹². Удивляться не приходится, поскольку при таком подходе к этому делу он был не нужен: на роль козла отпущения он не годился, и не только потому, что был прав и с самого начала кризиса последовательно занимал абсолютно верную позицию. Сомнительно, что с человеком, принадлежащим к такой фамилии и обладавшим такими связями в гвардейской среде, можно было бы запросто расправиться. А. П. фон Будберга было гораздо удобнее игнорировать или вывести из игры хотя бы на время. Характерно, что сразу же после смещения руководства 10-й армии, то есть уже в начале марта 1915 г., в Петрограде стала распространяться информация о том, что А. П. фон Будберг сошел с ума¹³. Впрочем, какие только слухи ни ходили в столице, но все они так или иначе сводились к тому, что в штабе 10-й армии был предатель¹⁴.

Многие ожидали, что именно Ф. В. Сиверс и А. П. фон Будберг будут привлечены к суду, но вскоре о них перестали говорить¹⁵. Верховный главнокомандующий принял решение предоставить Н. В. Рузскому возможность найти виновника поражения самостоятельно. Ф. В. Сиверса при этом решили не трогать¹⁶. На роль главного злодея в шпионской истории ни командующий 10-й армией, ни начальник его штаба явно не годились. Конечно, их немецкие фамилии могли бы способствовать разжиганию страстей, но развитие этих эмоций трудно было бы контролировать. В любом случае, тень обвинения в их адрес неизбежно пала бы и на Ставку, то есть на Верховного главнокомандующего, который и назначил их на эти должности. Даже вывод об их некомпетентности угрожал репутации Николая Николаевича (младшего) и уводил внимание общества в сторону от направления, желательного для великого князя и его сторонников.

Но кто мог занять место козла отпущения, ответственного за грехи великокняжеской Ставки? На эту роль был выбран подполковник С. Н. Мясоедов. Еще до войны вокруг него был раздут скандал противниками В. А. Сухомлинова – А. И. Гучковым и А. А. Поливановым. Целью этой грязной истории являлись пропаганда «заслуг» октябристов в деле государственной обороны, дискредитация военного министра и последующая замена его А. А. Поливановым. В 1912 г. интрига провалилась, но в 1915 г. у ее создателей появился шанс добиться реванша¹⁷. Совершенно случайно С. Н. Мясоедов оказался именно в штабе 10-й армии. В начале войны он числился в отставке, но попытался сделать все возможное для того, чтобы попасть на фронт. Этот офицер хотел получить для направления на фронт рекомендацию В. А. Сухомлинова, разумеется, вполне достаточную для такого назначения¹⁸. Это было бы официальным подтверждением его невиновности, что соответствовало результатам предвоенного следствия, проведенного в 1912 г.¹⁹

29 июля (11 августа) 1914 г. С. Н. Мясоедов писал военному министру: «Ввиду наступающих дней тяжких испытаний я обращаюсь к Вам с просьбою простить мне по-христиански мои против Вас погрешения, вольные и невольные, и разрешить мне еще раз послужить Царю и Родине и дать возможность пожертвовать за них жизнью в действующей армии, а детям оставить честное имя»²⁰. Но военный министр уклонился от активной поддержки своего бывшего подчиненного. В тот же день он ответил, что не имеет ничего против этого предложения, но

следует подать соответствующее прошение в установленном порядке²¹. Для этого уже в августе 1914 г.

С. Н. Мясоедов обратился к генералу П. Г. Курлову, акцентируя внимание на своем хорошем знании немецкого языка после многолетней службы в Вержболово, и территории Восточной Пруссии, а также прилегающих к ней районов Российской империи²². Но шеф корпуса жандармов не испытывал к нему особой симпатии (сказывалась довоенная репутация) и отказался принять его на службу²³, как и те штабы, к которым он обращался с таким же предложением. Некоторое время ему пришлось командовать несколькими ротами ополчения, занятыми на работах в тылу²⁴.

13 (26) октября С. Н. Мясоедовым как специалистом заинтересовалось командование 10-й армии. 13 (26) октября 1914 г. А. П. фон Будберг согласился взять его переводчиком в штаб армии «с возложением затем поручений по разведке». 1 (14) ноября вышел приказ об этом назначении, а 9 (22) ноября подполковник выехал из Петрограда к месту своей новой службы. Следует отметить, что за ним еще следовал шлейф человека В. А. Сухомлинова, а потому его предпочитали не держать собственно в штабе, опасаясь, что военный министр будет слишком хорошо посвящен в подробности повседневной штабной службы. С. Н. Мясоедов был отправлен поближе к фронту, в район Иоганисбурга²⁵. Конечно, сказывалось и влияние предвоенного скандала. Никто уже и не мог точно вспомнить, в чем, собственно, состояло дело, но в разведывательном отделении армии решили на всякий случай установить за ним наблюдение, которое ничего существенного не обнаружило²⁶.

С. Н. Мясоедов служил переводчиком при отделении контрразведки и организовывал разведывательную деятельность за линией фронта²⁷. Среди прочего он старался использовать еще довоенные связи со старообрядцами, жившими в Восточной Пруссии и на границе с ней. Предки этих людей покинули Россию, но в начале XX в. в общинах староверов сохранили язык и этническое самосознание²⁸. При первых же боях в пограничном районе сталкивавшиеся с ними войска имели возможность убедиться в этом²⁹. Информационную сеть на территории противника наладить все же не удалось: предвоенные знакомые и партнеры не хотели восстанавливать контакты в условиях, когда за них можно было предстать перед военно-полевым судом. Особенно эффективными оказались налаженные набеги в тыл противника за языком, в которых принимал участие и сам С. Н. Мясоедов, допросы военнопленных и аналитическая обработка полученных данных. Впрочем, ему не всегда сопутствовал успех³⁰.

Тем не менее служба С. Н. Мясоедова до ареста не вызывала никаких нареканий, наоборот, командование отмечало его вклад в успешность организации войсковой разведки, а также храбрость, проявленную под огнем, когда «он показывал пример и ободрял разведчиков, действовавших против более сильного составом неприятеля»³¹. Поначалу версия о его связях с германской разведкой основывалась на фантастических по очевидной лживости показаниях подпоручика 23-го Низовского пехотного полка Якова Павловича Кулаковского, который попал в плен во время окружения армии А. В. Самсонова и решил сотрудничать с германской разведкой³².

Немцы пошли на вербовку и якобы дали этому младшему офицеру задание подготовить убийство великого князя Николая Николаевича (младшего), уговорить коменданта Новогеоргиевска или одного из его помощников сдать крепость, а потом разжечь антирусские настроения в Польше и на Украине. Для осуществления этих мюнхгаузенских планов Я. П. Кулаковскому был дан связной в Петрограде, каковым якобы и оказался С. Н. Мясоедов³³. На первичную подготовку всех этих планов Я. П. Кулаковскому, по его словам, было дано четыре недели и определено жалованье 2 тыс. марок в месяц. Получив для переезда в Швецию немец-

кий паспорт, он выехал в Стокгольм, а 17 (30) декабря 1914 г. прибыл в столицу и обратился в Генеральный штаб с повинной. Начались допросы, которые поначалу вело Петроградское контрразведывательное отделение. Фамилия С. Н. Мясоедова на первых двух допросах не прозвучала³⁴.

Контрразведывательное отделение с 1910 г. возглавлял В. А. Ерандаков. Это был способный жандармский офицер, имевший, однако, ряд отрицательных служебных и личных качеств, в том числе беспринципность и честолюбие, склонность к провокации и собственному «кланостроительству», будучи сам донским казаком он старался держать в своем отделении земляков³⁵. В 1911–1912 гг. он соперничал с С. Н. Мясоедовым, хотя внешне поддерживал дружеские с ним отношения, которые в 1915 г. объяснил необходимостью личного за ним наблюдения³⁶. Работа контрразведки в Петрограде с начала войны вызвала многочисленные нарекания, положение В. А. Ерандакова в начале 1915 г. стало шатким³⁷, В. А. Сухомлинов также уже не испытывал к нему симпатий, считая его человеком «не вредным», но «не обширного ума»³⁸. Из всех показаний Я. П. Кулаковского доверие вызывает лишь одно – то, что он заинтересовал немцев рассказами о своих связях с анархистами, к которым якобы принадлежали он и его родственники³⁹.

Во всяком случае, весьма скудные немецкие источники, проливающие свет на его пребывание в плену, утверждают, что Я. П. Кулаковскому было поручено установить связь с революционерами, собрать информацию о настроении в Петрограде и вернуться⁴⁰. Но, очевидно, подобного рода мелочи не вызвали интереса в контрразведке. Возможно, В. А. Ерандаков решил укрепить свое положение и перейти из числа сторонников военного министра в стан главковерха. В таком случае и ему нужно было явиться к новому покровителю не с пустыми руками. Представляется, что именно поэтому «гвоздем» дела при первых допросах, которые вели контрразведчики, вполне естественно должно было стать разоблаченное покушение на Николая Николаевича. Следует отметить, что по мере дальнейшего развития этого дела у военного министра стали нарастать подозрения по отношению к возможному «перебежчику», которые поддерживал и его информатор в Ставке генерал Н. Н. Янушкевич⁴¹. Интересно, что Я. П. Кулаковский вскоре отказался от своих показаний о подготовке покушения, а всю эту историю объяснил своим желанием вызвать интерес у начальника

Главного штаба. Об угрозе жизни главковерха забыли, но все остальные, не менее фантастические показания были приняты на веру⁴².

Фамилия С. Н. Мясоедова, по версии Я. П. Кулаковского (или по подсказанной ему версии) – его связника в России, прозвучала только на третьем допросе 24 декабря 1914 г. (5 января 1915 г.). Одновременно вновь возникла еврейская тема: Я. П. Кулаковский рассказывал об издевательствах с их стороны над русскими пленными и о том, что евреи активно используются немецкой разведкой⁴³. Эти показания ложились на благодатную почву: с самого начала войны на фронте прочно установилось мнение, авторитетно подтверждаемое Ставкой, что евреи чуть ли не поголовно занимаются шпионажем⁴⁴. «Военные были озлоблены, – вспоминал о своем посещении полосы Юго-Западного фронта осенью 1914 г. А. И. Спиридович. – Отдельные случаи обобщались. Вина отдельных изменников переносилась на все еврейское население. Евреев стали выселять из районов военных действий. Стали гнать внутрь России. В Ставку летели донесения и жалобы со всех сторон, и Ставка обрушилась на еврейство рядом строгих репрессивных мер. Душою их был генерал Янушкевич. Многим в тылу эти меры казались жестокими и несправедливыми, на фронте же часто их считали еще недостаточными»⁴⁵.

В Галиции, где евреи в целом встретили русские войска недоброжелательно⁴⁶, по отношению к ним такого рода меры принимали гораздо более жесткий характер, несмотря на то

что каких-либо проявлений враждебности с их стороны не наблюдалось⁴⁷. 13 (26) февраля 1915 г. генерал-губернатор Галиции генерал-лейтенант граф Г. А. Бобринский в целях борьбы со шпионажем издал приказ, запрещающий въезд на эту территорию «лицам еврейской национальности» и их переезд из одного уезда в другой. Нарушение этого запрета наказывалось штрафом в 3 тыс. рублей или трехмесячным тюремным заключением⁴⁸.

В прифронтовой полосе издавались гораздо более жесткие распоряжения. Так, например, к 14 (27) февраля 1915 г. из-под осажденного Перемышля во внутренние районы России были высланы около 7 тыс. евреев⁴⁹. «Еврейское население, – гласил приказ № 2381, изданный штабом Юго-Западного фронта 19 февраля (4 марта) 1915 г., – без различия пола, возраста в районе боевых действий надлежит выселять в сторону противника. Местности, занятые тыловыми частями армии, очищать от всех подозрительных и неблагонадежных, независимо от сего в последних местностях необходимо брать заложников из лиц, пользующихся влиянием»⁵⁰. Конечно, этот приказ не выполнялся буквально, но настроение момента он передает точно. В высшей степени негативно к евреям относился и М. Д. Бонч-Бруевич. Весной 1915 г., когда немцы активизировали свои действия против Северо-Западного фронта, там также приступили к практике депортаций еврейского населения из прифронтовой полосы. Так, например, к 5 (18) мая 1915 г. из Ковенского крепостного района были выселены около 20 тыс. евреев⁵¹. В этой обстановке действующему офицеру контрразведки лучше было не иметь еврейских, пусть и довоенных деловых партнеров, знакомых и родственников.

На допросе 8 (21) января 1915 г. Я. П. Кулаковский показал, что С. Н. Мясоедов работает на немцев уже в течение пяти лет и что его фамилию он раньше не знал и не читал в газетах (!)⁵². Следует отметить, что в это время его допросы вела уже не военная контрразведка, а охранное отделение⁵³. Весьма странные показания и наивность поверившей им контрразведки и охранки не может не вызвать удивления. Обращают на себя внимание четыре очевидных факта: 1) именно в 1910 г. начались дружеские отношения между С. Н. Мясоедовым и В. А. Сухомлиновым; 2) дело явно конструировалось именно под «шлейф» скандала 1912 г., но не строго под версию А. И. Гучкова и Б. А. Суворина. Ведь они обвиняли С. Н. Мясоедова в связях с австрийцами и к тому же позже отказались от них. Именно поэтому допрашиваемый свидетель особо оговорился, что никогда не читал о С. Н. Мясоедове; 3) именно офицеры охранки, помнившие об истории 1907 г., составляли письмо для министра внутренних дел, где впервые был сделан намек на возможность связи деловых партнеров С. Н. Мясоедова с немецкой разведкой. Их версия тогда провалилась, а С. Н. Мясоедов к тому же в 1913 г. пытался привлечь настоящих авторов письма А. А. Макарова к суду за подлоги и клевету; 4) странно, что германская разведка, командуя Я. П. Кулаковского для связи со своим ценным и активным (с 1910 г.) агентом, не имела понятия о том, где он живет и что он находится на русско-германском фронте (допрашиваемый этого не знал)⁵⁴. Для правдоподобия потом возникла версия, что Я. П. Кулаковский мог встретиться с С. Н. Мясоедовым в ресторане, где тот часто бывал, и что в России существует «целая шпионская организация»⁵⁵.

Конечно, принадлежность охранки и контрразведки к различным вариантам показаний Я. П. Кулаковского на этих допросах является всего лишь версией и не может иметь документального подтверждения, однако безусловным фактом является то, что дело С. Н. Мясоедова было «заквашено» в Петрограде, а «испечено» в Варшаве с санкции Верховного главнокомандующего и с подачи штаба Северо-Западного фронта, которым столичная «закваска» пришлась как нельзя кстати. В русской Ставке не было особенным секретом то, что «дело Мясоедова» было организовано при сильнейшем давлении на суд со стороны великого князя и генерала А. А. Поливанова для того, чтобы снять В. А. Сухомлинова с его поста⁵⁶. Ставка получила информацию об этом деле 14 (27) января 1915 г., и она была переправлена в штаб

Н. В. Рузского⁵⁷. Исполнителем высочайшей воли главковерха был полковник Н. С. Батюшин, возглавлявший контрразведывательное отделение штаба Северо-Западного фронта⁵⁸. Впрочем, он не был главным действующим лицом в этой скверной игре. «Дело Мясоедова, – отмечал 25 февраля 1916 г. в своем дневнике М. К. Лемке, – поднято и ведено главным образом благодаря настойчивости Бонч-Бруевича, помогал Батюшин»⁵⁹.

Многим в штабе Северо-Западного фронта смысл начатой игры был совершенно очевиден. По мнению генерала В. А. Орановского, изложенному после войны А. П. фон Будбергом, «создание и раздутие всей мясоедовской истории было определенным актом тайной ожесточенной борьбы Ставки и Сухомлинова. Ударяя по М., били главным образом по его покровителю и хозяину Сухомлинову»⁶⁰. Трудно с полной уверенностью утверждать, кому в штабе фронта первому пришла мысль о возможности энергично развить дело в отношении С. Н. Мясоедова, но, скорее всего, это все же был М. Д. Бонч-Бруевич. Сам он в своих мемуарах также с гордостью отмечал, что «сыграл довольно решающую роль» в деле, за что позже стал объектом травли немцев, «засевших» в русских штабах. Естественно, это были неразоблаченные предатели и шпионы⁶¹. Но самое главное – это даже не свидетельство генерала. Подобного рода поведение для него было довольно типичным. В бытность свою сотрудником В. А. Сухомлинова он уже «разоблачил» один кружок «опасных заговорщиков» – младотурок. Теперь, в 1915 г., М. Д. Бонч-Бруевич прорывался уже в совсем иную группировку, и достичь доверия главы враждебного клана ему, судя по всему, было трудно. Ведь, по его словам, Николай Николаевич был непростым начальником: «Наследственная жестокость и равнодушие к людям соединялись в нем с грубостью и невоздержанностью»⁶².

Хорошо зная о неприязни главковерха к В. А. Сухомлинову, М. Д. Бонч-Бруевич распорядился установить за С. Н. Мясоедовым негласное наблюдение⁶³. Когда в штаб 10-й армии пришла эта телеграмма, она вызвала недоумение именно потому, что установленное ранее наблюдение было безрезультатным⁶⁴. Тем не менее шофером к С. Н. Мясоедову был приставлен сотрудник контрразведки⁶⁵. Полученные данные сразу же насторожили М. Д. Бонч-Бруевича: как выяснилось, С. Н. Мясоедов разъезжал по частям (!), ночевал в немецких мызах (!), мародерствовал (?). Следует отметить, что генерал-квартирмейстер штаба фронта в своих действиях проявил определенную изобретательность и логику. Во-первых, по его мнению, С. Н. Мясоедов прибыл в штаб фронта с рекомендательным письмом от В. А. Сухомлинова (бдительный М. Д. Бонч-Бруевич, естественно, сразу же предложил Н. В. Рузскому отослать подозрительного офицера назад, но главком Северо-Западного фронта не решился)⁶⁶. Во-вторых, должность С. Н. Мясоедова была незначительной (по сравнению с Ф. В. Сиверсом и

А. П. фон Будбергом), назначение на нее не входило в обязанности штаба фронта или Ставки. Кроме того, предвоенный скандал, связанный с именем этого офицера, позволял надеяться на то, что его обвинение будет полностью поддержано либералами.

15 (28) февраля Я. П. Кулаковский был допрошен уже в Ставке, где его рассказы восприняли весьма серьезно⁶⁷. 18 февраля (3 марта) 1915 г. С. Н. Мясоедов был арестован в Ковно после возвращения из поездки к передовым позициям (которую он совершил по долгу службы и с санкции командования) и вскоре осужден по обвинению в государственной измене, шпионаже и мародерстве⁶⁸. Формально арест санкционировал Н. В. Рузский. Арестованный, естественно, не понимал причин случившегося и поэтому направил матери открытку с просьбой обратиться к главнокомандующему армиями фронта, чтобы он спешно рассмотрел его дело⁶⁹. Судя по всему, С. Н. Мясоедов, наученный еще предвоенным горьким опытом, с самого начала почувствовал, что вновь стал жертвой политической интриги, и не ошибся, но арестованному и в голову не могло прийти, что к Н. В. Рузскому обращаться бесполезно. По рассказам про-

водивших арест офицеров, узнав о своем задержании, он воскликнул: «А, это, наверное, опять Гучков!»⁷⁰. Казалось бы, офицер мог рассчитывать на быстрое восстановление своей репутации – у обвинения не было решительно никаких доказательств. В частности, при обыске никаких уличающих в предательстве документов не нашли. Впрочем, они с самого начала и не были нужны⁷¹. В самом деле, зачем, если, по мнению М. Д. Бонч-Бруевича, С. Н. Мясоедов был пайщиком фирм, созданных на немецкие деньги, в том числе и «Восточно-азиатского пароходного общества»⁷²

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.